На правах

Проф. В. М. ХВОСТОВЪ.

ЭВОЛЮЦІЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЕЯ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ФИЛОСОФІИ И МЕТОДОЛОГІИ ИСТОРІИ, ЧИТАННЫХЪ НА МОСКОВСКИХЪ ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСАХЪ.

Дополненіе къ учебнику „Теорія историческаго процесса“, 2-е изд. 1914 г. (вмѣсто § 11). По программѣ экзамена вопросы 7, 8, 9, 10.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ К. Л. МЕНЬШОВА.
АРБАТЪ, НИКОЛЬСКІЙ ПЕР., Д. 21.
1916.

На правахъ рукописи.

Проф. В. М. ХВОСТОВЪ.

Х33

ЭВОЛЮЦІЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЕЯ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ФИЛОСОФІИ И МЕТОДОЛОГІИ ИСТОРІИ, ЧИТАННЫХЪ НА МОСКОВСКИХЪ ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСАХЪ.

Дополненіе къ учебнику „Теорія историческаго процесса“, 2-е изд. 1914 г. (вмѣсто § 11). По программѣ экзамена вопросы 7, 8, 9, 10.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ К. Л. МЕНЬШОВА.
АРБАТЪ, НИКОЛЬСКІЙ ПЕР., Д. 21.
1916.

I. Эволюція исторической науки.

I. Мы установили *мѣсто исторіи въ системѣ человѣческаго знанія*. Исторія относится, во-первыхъ, къ категоріи *наукъ о духѣ* въ томъ смыслѣ, въ которомъ употребляетъ это выраженіе Вундтъ. Исторіи приходится имѣть дѣло съ фактами, относящимися, главнымъ образомъ, къ области психическихъ явленій: духовныя переживанія людей, участвовавшихъ въ историческихъ событіяхъ, должны быть вскрыты историкомъ на основаніи тѣхъ внѣшнихъ поступковъ, свѣдѣнія о которыхъ дошли до него. Конечно, историкъ обращаетъ вниманіе и на физическую среду, въ которой развертывались историческія событія, но его интересуетъ эта среда не сама по себѣ, а лишь постольку, поскольку она отразилась на человѣческой психикѣ, такъ или иначе повліяла на характеръ человѣческихъ дѣяній и состояній. Интересъ историка обращается лишь на такіе *поступки отдѣльныхъ людей*, слѣдствія которыхъ выходили за предѣлы ихъ чисто личной жизни, стояли въ связи съ творчествомъ культурныхъ цѣнностей, общихъ для всего человѣчества; только такіе поступки, какъ мы убѣдились, являются существенными для историка. Сверхъ того, вниманіе историка привлекаютъ къ себѣ и *массовые процессы*; здѣсь онъ долженъ прослѣживать какъ эволюцію болѣе или менѣе устойчивыхъ *состояній* массовой жизни, каковы: право, нравы, вѣрованія, хозяйство, знанія и убѣжденія, такъ и ходъ тѣхъ кратковременныхъ процессовъ, въ которыхъ принимаютъ участіе массы и которые называются *событіями*. Такимъ образомъ, въ основѣ исторической работы лежитъ какъ индивидуально-психологическій анализъ, такъ и разслѣдованіе коллективной психологіи массъ. Вся исторія представляетъ собой результатъ психологическаго закона, общаго, какъ для индивидуальной, такъ и для коллективной психологіи: закона творческой психической причинности, постоянно приводящей, при достаточной интенсивности и непрерывности процесса, къ появленію качественно-новыхъ синтезовъ мысли и чувства. Дѣйствіе этого закона лежитъ въ основѣ исторической причинности.

Во-вторыхъ, исторія опредѣлилась для насъ, какъ *наука индивидуализирующая* въ смыслѣ Риккерта. Ея задача состоитъ не въ выведеніи какихъ-либо общихъ законовъ и не въ созданіи широкихъ схемъ, въ которыя укладывалась-бы жизнь, протекающая въ разныхъ мѣстахъ земного шара въ различные моменты времени, но въ изслѣдованіи отдѣльныхъ неповторяющихся

событій и состояній въ ихъ индивидуальномъ видѣ, со всѣми тѣми чертами и особенностями, которые отличаютъ ихъ отъ другихъ фактовъ, какъ бы они сходны въ остальномъ ни были между собою. Для разрѣшенія этой задачи историки должны примѣнять совершенно особые методы изслѣдованія, которые ничего общаго не имѣютъ съ методами, напримѣръ, статистика или соціолога. Притомъ, работа историка цѣнна не только потому, что она даетъ провѣренный матеріалъ фактовъ для послѣдующихъ выводовъ соціологовъ, экономистовъ и другихъ представителей обобщающаго знанія, но и сама по себѣ. Исторія, вмѣстѣ съ другими индивидуализирующими науками, составляетъ совершенно особую область знанія, которая намъ не менѣе необходима для полнаго теоретическаго представленія о мірѣ и практическаго имъ овладѣнія, чѣмъ науки генерализирующія.

Уже изъ предыдущихъ очерковъ совершенно ясно, что исторія начала окончательно опредѣлять себя въ этомъ видѣ лишь въ сравнительно очень недавнее время, такъ какъ еще у такихъ видныхъ представителей современной методологіи, какъ Джонъ Стюартъ Милль, мы не находимъ указаній на подобную роль исторіи и цѣнность историческаго знанія, какъ таковаго. То представленіе о характерѣ исторической науки, которое защищается въ настоящей книгѣ, и въ наше время еще далеко не является господствующимъ, хотя я твердо убѣжденъ, что ему принадлежитъ будущее. Число его сторонниковъ постоянно растетъ. Конечно, установленіе правильнаго взгляда на мѣсто исторіи среди другихъ наукъ имѣетъ первостепенное значеніе и для уясненія особенностей исторической методологіи. Много ошибокъ методологическаго характера дѣлалось до сихъ поръ и дѣлается въ наше время, вслѣдствіе неправильнаго представленія историковъ о своихъ задачахъ. Немало вреда приноситъ работамъ нѣкоторыхъ историковъ, напримѣръ, то обстоятельство, что они все еще продолжаютъ смотрѣть на свои труды, какъ на нѣчто обобщающее и, занимаясь изслѣдованіями въ области совершенно опредѣленной исторической эпохи, изучая хотя бы исторію римской республики или имперіи, воображаютъ, что создаютъ трудъ обще-соціологическаго характера.

Исторія прошла длинный путь развитія, прежде чѣмъ укрѣпилось представленіе о ней, какъ о самостоятельной индивидуализирующей генетической наукѣ о духѣ, которое нами защищается. Наше знакомство съ исторической наукой не будетъ полнымъ въ достаточной степени, если мы не бросимъ взглядъ на *историческія судьбы самой исторической науки*. Это тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ было уже указано, старыя воззрѣнія на историческую науку до сихъ поръ еще не вполнѣ устранены и въ многомъ вліяютъ на характеръ работъ современныхъ историковъ. Въ послѣдующемъ мы постараемся дать сжатый очеркъ основныхъ фазисовъ, черезъ которые прошла историческая наука въ своей послѣдовательной эволюціи [1]).

II. Въ *античной древности* мы еще не встрѣчаемся съ исторіей, какъ съ строгой генетической наукой. Исторія въ эту эпоху занимаетъ до самаго конца положеніе среднее между строгой наукой и чистымъ искусствомъ. Не было выработано яснаго представленія о естественной закономѣрности

---

[1]) Ср. *А. Дживелеговъ*. «Исторія», въ Энцикл. Словарѣ Гранатъ, изд. 7-е, т. 22-й. Въ «Приложеніи» дана обстоятельная библіографія вопроса.

историческаго процееса, о средствахъ познанія исторической истины и о самодовлѣющихъ задачахъ исторической науки. Исторія служила или для чисто практическихъ цѣлей, имѣла прикладной, несамостоятельный характеръ, или же просто для развлеченія людей, привлекала къ себѣ вниманіе только захватывающимъ драматизмомъ историческихъ событій.

Практическимъ цѣлямъ служатъ всякаго рода офиціальныя и неофиціальныя записи о выдающихся событіяхъ, составляемыя для сохраненія ихъ въ памяти потомства; таковы надписи, посвященныя перечню великихъ дѣяній того или иного правителя, или списки побѣдителей на публичныхъ играхъ; въ эту же категорію относятся записи, дѣлаемыя для увѣковѣченія событій, имѣющихъ религіозное или политическое значеніе, какъ напримѣръ, тексты международныхъ договоровъ, списки должностныхъ лицъ, генеалогическія таблицы знатныхъ семействъ, записи посылаемыхъ богами знаменій и т. п. Ко второй категоріи относятся разсказы о славныхъ дѣяніяхъ, преимущественно военнаго характера, создаваемые *для развлеченія и возбужденія слушателей* и часто облекаемые въ поэтическую, стихотворную форму, причемъ, конечно, историческій матеріалъ иногда до неузнаваемости разукрашивается вымысломъ. Сюда входитъ вся эпическая поэзія, имѣющая часто коллективное происхожденіе. Таковы поэмы Гомера и нѣкоторыя изъ римскихъ легендъ. Такого характера произведенія встрѣчаются, конечно, не только у античныхъ народовъ; сюда относятся нѣкоторыя русскія былины и историческія пѣсни, скандинавскія саги, германскія пѣсни о Нибелунгахъ и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы не имѣемъ никакого подобія исторіи, какъ науки; мы встрѣчаемся здѣсь только съ тѣми недифференцированными еще произведеніями человѣческаго духа, изъ которыхъ впослѣдствіи, между прочимъ, разовьется и исторія.

Историческій разсказъ начинаетъ дифференцироваться отъ практическихъ записей и чисто поэтическихъ произведеній лишь тогда, когда историческій матеріалъ становится предметомъ *литературной обработки*, предпринимаемой съ исключительной цѣлью *установить истину о событіяхъ*, какъ они на самомъ дѣлѣ происходили, независимо отъ какихъ-либо прикладныхъ тенденцій или эстетическихъ цѣлей. Конечно, процессъ такой дифференціаціи происходитъ не сразу. Въ первыхъ, извѣстныхъ намъ, попыткахъ литературной обработки историческихъ данныхъ мы не встрѣчаемъ еще сколько-нибудь ясно выраженныхъ представленій объ исторической наукѣ, какъ о самодовлѣющей дисциплинѣ строго научнаго характера.

Отцомъ литературно-обработанной исторіи обыкновенно считается греческій историкъ *Геродотъ*, который около 440 г. до Р. Х. написалъ связную исторію грекоперсидскихъ войнъ [1]). Геродотъ былъ непосредственнымъ продолжателемъ такъ называемыхъ *логографовъ*, которые и до него въ довольно большомъ количествѣ существовали въ греческихъ колоніяхъ по берегамъ малоазійскаго побережья и острововъ Архипелага; отсюда произошелъ и Геродотъ. Но Геродотъ отличается отъ логографовъ тѣмъ, что въ то время, какъ логографы занимались попреимуществу мифическимъ періодомъ и не выработали никакихъ пріемовъ исторической критики, Геродотъ, хотя также

[1]) См. *Бузескулъ*, Введеніе въ исторію Греціи (1903 г.), 51 гл. *Gomperz*, Griechische Denker, ² I, 208 гл. M. *Wundt*, Geschichte d. Griech. Ethik, I, 201 гл.

не свободенъ отъ экскурсовъ въ область мифическаго, все же главной темой своего разсказа беретъ *чисто историческій сюжетъ*—борьбу грековъ съ персами—и притомъ близкій по времени къ самому историку, и въ значительной мѣрѣ стремится къ возстановленію исторической правды. Цѣль Геродота, конечно, не могла еще заключаться въ изслѣдованіи исторической причинности, о которой онъ не имѣлъ опредѣленныхъ представленій. Онъ ставитъ своей задачей исключительно повѣствованіе, предназначенное къ тому, «*дабы отъ времени не изгладились изъ памяти дѣянія людей* и не преданы были забвенію великіе и достойные удивленія подвиги, совершенные какъ эллинами, такъ и варварами, въ особенности же причина, по которой они вступили въ войну между собой». Въ упоминаніи о причинѣ войны не слѣдуетъ видѣть указанія на предносившуюся Геродоту картину закономѣрнаго теченія событій. Геродотъ здѣсь не выходитъ за предѣлы изслѣдованія тѣхъ цѣлей, которыя ставили себѣ люди, участвующіе въ разсказываемыхъ имъ событіяхъ, и разсужденія о причинности, понимаемой въ этомъ смыслѣ, переплетаются у него съ размышленіями о вмѣшательствѣ боговъ или *судьбы* въ человѣческія дѣла. Особенно большую роль играетъ Немезида, которая мститъ людямъ за чрезмѣрную заносчивость или самонадѣянность. Геродотъ до извѣстной степени старается въ своемъ разсказѣ отдѣлить достовѣрное отъ недостовѣрнаго, провѣряетъ разсказы другихъ лицъ собственными наблюденіями и соображеніями, но, конечно, систематической критики источниковъ отъ него ожидать еще нельзя и часто невозможно точно установить источникъ того или иного изъ его утвержденій.

Исторія такого типа получила въ современной наукѣ названіе *повѣствовательной*. Она занимается только констатированіемъ историческихъ фактовъ для памяти, не стремясь сдѣлать изъ нихъ какіе-либо практическіе выводы или же привести ихъ въ строго генетическую связь между собою. Въ болѣе сухомъ видѣ, чѣмъ у Геродота, такая исторія представлена намъ римскими анналистами и многими средневѣковыми хрониками.

Но античная древность не остановилась на этомъ типѣ историческаго разсказа. Черезъ 25-30 лѣтъ послѣ Геродота писалъ *Ѳукидидъ*, испытавшій уже на себѣ вліяніе критическаго и даже скептическаго духа софистики. Онъ является авторомъ знаменитой исторіи Пелопонесской войны, которая считается началомъ новаго вида историческаго повѣствованія, такъ называемой, *прагматической исторіи* [1]). Отличіе прагматической исторіи отъ повѣствовательной состоитъ въ томъ, что историкъ пишетъ свое изслѣдованіе для того, чтобы извлечь изъ него назиданіе для читателей. Назиданіе это можетъ имѣть и чисто моральный характеръ—люди видятъ въ исторіи поучительные примѣры пороковъ и добродѣтелей—и политическій—люди могутъ изъ исторіи учиться политическимъ дѣламъ, и, пользуясь опытомъ прошлаго, избѣгать политическихъ ошибокъ въ настоящемъ. Преслѣдуя подобныя цѣли, историкъ конечно, въ большей степени, чѣмъ простой излагатель интересныхъ фактовъ, вродѣ Геродота, вынужденъ заботиться какъ о достовѣрности своего матеріала, такъ и объ установленіи причинной связи событій. Но причинность, изслѣдуемая этого типа исторіей, при ея поучающемъ характерѣ, опять

---

[1]) *Бузескулъ*, цит. соч , 78 сл. Ср. о терминѣ „прагматическая исторія“ *Карѣевъ*, Теорія историч. знанія (1913), 142 пр. 2.

таки *не идетъ дальше человѣческихъ плановъ и разсчетовъ*; историки не замѣчаютъ еще закономѣрности тѣхъ процессовъ въ исторіи, которые выходятъ за предѣлы сознательнаго воздѣйствія людей на событія и не укладываются въ ихъ планы, и весь этотъ элементъ причинности покрываютъ понятіемъ «судьбы». Закономѣрность этихъ сторонъ исторіи вполнѣ выяснилась только для науки, созданной близкими къ намъ эпохами, въ которыя исторія пріобрѣла значеніе самодовлѣющей научной дисциплины, изслѣдующей свой матеріалъ независимо отъ какихъ бы то ни было практическихъ цѣлей. Только такая генетическая исторія создала и систематическую критику матеріала. Исторія прагматическая все еще не вполнѣ дифференцировалась отъ политическаго трактата, съ одной стороны, отъ моральной проповѣди, съ другой, что и нарушало строгость и чистоту научнаго изслѣдованія.

Отъ всѣхъ этихъ недостатковъ не свободна, конечно, и исторія Ѳукидида. Цѣль, поставленная авторомъ, достигнута будетъ по его словамъ, если его «трудъ найдутъ полезнымъ тѣ, кто пожелаетъ имѣть ясное и вѣрное представленіе о прошломъ, въ виду того, что, по свойствамъ человѣческой природы, *и въ будущемъ когда-нибудь можетъ произойти нѣчто подобное*». Въ этихъ словахъ довольно ясно намѣчаются указанныя выше задачи прагматическаго историка. Съ технической стороны трудъ Ѳукидида представляетъ значительный шагъ впередъ, сравнительно съ работой Геродота. Ѳукидидъ пишетъ о событіяхъ, которыхъ онъ былъ очевидцемъ, стремится къ точному разграниченію истины отъ небылицъ, пользуется документами и надписями, прибѣгаетъ къ сравнительному методу и вполнѣ устраняетъ элементъ чудеснаго. Вмѣшательство боговъ въ исторію Ѳукидиду не извѣстно. Но большую роль онъ придаетъ «судьбѣ», т. е. фатальному, непредусмотримому фактору событій, съ которымъ зачастую человѣкъ безсиленъ бороться. Дѣйствіе судьбы не поддается планомѣрному изслѣдованію. Что же касается уловимой для историка причинности, то она понимается Ѳукидидомъ главнымъ образомъ въ смыслѣ *психологической обоснованности человѣческихъ поступковъ*. Предметомъ преимущественнаго вниманія со стороны историка служатъ не длительныя состоянія, но событія и притомъ въ особенности событія военной исторіи. Длительныхъ состояній Ѳукидидъ касается только мимоходомъ. Для выясненія исторической обстановки и мотивовъ человѣческихъ рѣшеній и поступковъ Ѳукидидъ часто пользуется пріемомъ, который нашелъ себѣ многихъ подражателей не въ одной только античной древности: именно, не стѣсняясь нарушеніемъ исторической точности, онъ влагаетъ въ уста историческихъ дѣятелей *рѣчи* по разнымъ поводамъ, обыкновенно измышленныя самимъ историкомъ и написанныя имъ по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства.

Самый терминъ «прагматической» исторіи созданъ греческимъ историкомъ II вѣка *Полибіемъ* [1]), который пишетъ первую всеобщую или всемірную исторію, такъ какъ ставитъ задачей своего труда показать, какимъ образомъ подготовилось и установилось господство римскаго народа надъ окружающими странами. Прагматическая исторія, по конструкціи Полибія, имѣетъ своей задачей политическія дѣла—«прагмата», но ихъ изученіемъ преслѣдуетъ «аподиктическія» цѣли политическаго и моральнаго характера. Для полити-

[1]) *Бузескулъ*, 226 сл.

ческой дѣятельности нѣтъ лучшей школы, какъ изученіе исторіи, говоритъ Полибій въ началѣ своего труда; исторія же лучше всего выучитъ насъ мужественно переносить превратности судьбы. Полибій проникнутъ убѣжденіемъ въ закономѣрности, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ сторонъ историческаго процесса; напримѣръ, онъ предлагаетъ (кн. VI) опредѣленный «порядокъ природы», какъ *схему смѣнъ правленія*; въ основѣ этой схемы лежитъ нерѣдко встрѣчающаяся у античныхъ писателей идея круговорота человѣческихъ судебъ (см. ниже § 20, I). Но во многихъ случаяхъ и онъ говоритъ о той роли, которую въ исторіи играетъ судьба, направляющая событія иногда разумно и цѣлесообразно, иногда же совершенно капризно и несправедливо, вопреки всѣмъ разсчетамъ людей. Большое вниманіе Полибій обращаетъ на роль природныхъ условій.

Въ очеркѣ античной исторіографіи я не считаю возможнымъ пройти молчаніемъ одного мыслителя, который, хотя и не былъ историкомъ, но занимался вопросами весьма важными для исторической науки, а именно: *Аристотеля*. Этого философа IV в. можно считать однимъ изъ самыхъ главныхъ предшественниковъ современной соціологіи. Онъ много занимался вопросами о *природѣ человѣческаго общества* и въ своей «Политикѣ» высказалъ не мало цѣнныхъ мыслей по этому вопросу, которыя затѣмъ слишкомъ надолго были забыты людьми, чтобы возродиться къ жизни уже въ новое время. Аристотель впервые установилъ положеніе, что человѣческое общество не есть искусственное изобрѣтеніе людей, но вполнѣ естественное явленіе, такъ какъ человѣкъ по природѣ своей есть животное «политическое» и притомъ надѣленное даромъ рѣчи и способностью отличать добро и зло. Соотвѣтственно съ этимъ и дальнѣйшее развитіе общества представляется Аристотелю процессомъ закономѣрнымъ и не вполнѣ поддающимся человѣческому воздѣйствію. Правда, и у Аристотеля мѣстами встрѣчается упоминаніе о «судьбѣ», но она не играетъ у него такой большой роли, какъ у извѣстныхъ намъ уже писателей, такъ какъ значительная часть этой независящей отъ людей судьбы перешла у него въ формулы уловимой для науки закономѣрности. Правда, самое представленіе Аристотеля о закономѣрности довольно своеобразно. Весь міръ, по его схемѣ, оказывается цѣлымъ, стремящимся къ опредѣленной цѣли; въ понятіе о закономѣрности поэтому *входитъ не только причинная связь, но и цѣлесообразность*. Основнымъ закономъ міра, которому подлежитъ и жизнь общества, является положеніе, что части всегда опредѣляются своимъ отношеніемъ къ цѣлому; положеніе это звучитъ въ духѣ полнаго финализма. Такъ какъ достиженіе цѣлей не всегда удается не только человѣку, но и природѣ, то на ряду съ законченными и совершенными формами мы встрѣчаемъ постоянно и неудачныя. Такъ Аристотель дѣлитъ государства на правильныя и извращенныя, или, разсуждая о рабствѣ, различаетъ справедливое и естественное подчиненіе отъ искусственнаго и несправедливаго. Такимъ образомъ, закономѣрность не всегда дѣйствуетъ правильно и *не представляется ненарушимой*. На почвѣ этихъ общихъ принциповъ Аристотель даетъ много наблюденій надъ разными проявленіями закономѣрности общественной жизни. Онъ выводитъ государство путемъ естественной эволюціи изъ семьи и селенія, пытается прослѣдить причины смѣны разныхъ формъ государственнаго устройства и опредѣлить, какія формы болѣе подходятъ къ различнымъ историческимъ условіямъ. При

этомъ онъ придаетъ большое значеніе природнымъ неравенствамъ людей въ зависимости отъ пола, возраста, національности, считая однихъ людей по природѣ предназначенными къ господству, другихъ—къ подчиненію. Онъ знаетъ роль исторической традиціи, вліяніе на людей старины всякаго рода, и подвергаетъ разсмотрѣнію вопросъ о дѣйствіи внѣшней природы на жизнь общества [1]).

Римскіе историки своими трудами не подвинули впередъ исторической науки. Римляне вообще не были сильны въ области чистаго знанія. Поэтому исторія въ ихъ рукахъ еще болѣе ярко обнаруживаетъ черты прикладной дисциплины, преслѣдующей практическія цѣли. Римляне пользуются историческимъ разсказомъ, прежде всего, какъ средствомъ возвеличить себя и свои дѣянія; затѣмъ онъ и у нихъ получаетъ значеніе политическаго или моральнаго трактата. Цицеронъ прямо называетъ исторію именемъ «произведенія по преимуществу *ораторскаго характера*». (De oratore II, 62; de legibus I, 2). Историческая критика источниковъ даже у наиболѣе выдающихся римскихъ историковъ стоитъ много ниже, чѣмъ у Ѳукидида и Полибія. Даже знаменитый трудъ *Тацита* [2]) не представляетъ собой ничего особенно значительнаго, какъ историческое изслѣдованіе, и его значеніе лежитъ больше въ области морально-политической мысли. Къ источникамъ Тацитъ относится настолько невнимательно, что, будучи самъ сенаторомъ, даже не использовалъ для своей исторіи цезарей подлинныхъ сенатскихъ протоколовъ, но бралъ этотъ матеріалъ изъ вторыхъ рукъ. Разсказывая же о древнѣйшей исторіи Рима, историки безъ всякой критики соединили въ одно цѣлое массу легендъ и мифовъ, не имѣющихъ ни малѣйшей исторической достовѣрности. Обычнымъ пріемомъ являлась модернизація историческихъ событій. Напримѣръ, разсказами о полумифической борьбѣ патриціевъ и плебеевъ въ древнемъ Римѣ историки конца республики сплошь и рядомъ пользуются, чтобы опредѣлить свое отношеніе къ разыгрывавшимся на ихъ глазахъ смутамъ, погубившимъ Римскую республику. Такой характеръ, въ особенности, имѣютъ рѣчи, въ изобиліи влагаемыя ими въ уста историческихъ персонажей и содержащія въ себѣ цѣлыя политическія и соціальныя программы позднѣйшихъ римскихъ партій. Для заполненія пробѣловъ въ древнѣйшей исторіи, римскіе авторы не останавливаются прямо передъ измышленіемъ не существовавшихъ никогда событій и обыкновенно достигаютъ этого путемъ удвоенія историческихъ событій, производя въ нихъ нѣкоторыя варіаціи.

Особенность античной исторіи составляетъ то обстоятельство, что она носитъ по существу мѣстный характеръ; интересы историковъ не выходятъ за предѣлы сравнительно узкаго круга народовъ и событій, причемъ совершенно *отсутствуетъ идея о единствѣ всего человѣческаго рода* и его историческихъ судебъ. При такихъ условіяхъ не могла создаться теорія общечеловѣческаго прогресса. На мѣсто ея въ древности нерѣдко встрѣчается идея *вѣчнаго круговращенія* событій или же даже идея *историческаго регресса*,

---

[1]) Въ духѣ этихъ общихъ воззрѣній составленъ Аристотелемъ и очеркъ развитія Аѳинской демократіи, заключающійся въ недавно найденной его «Аѳинской политіи».

[2]) *Wachsmuth*, Einleitung in das Studium d. alten Geschichte (1895), 677 сл.

согласно которой золотой вѣкъ лежитъ уже далеко позади современнаго человѣчества (см. ниже § 21).

III. Важное измѣненіе въ характерѣ историческихъ трудовъ вноситъ *распространеніе христіанства*. Христіанство есть религія общечеловѣческая, передъ лицомъ которой не имѣютъ значенія различія національныя, культурныя и политическія. Поэтому въ *средніе вѣка*, когда все міровоззрѣніе проникается христіанскимъ характеромъ, и исторія усваиваетъ себѣ представленіе *о человѣчествѣ, какъ о единомъ цѣломъ* [1]). Навстрѣчу этому обстоятельству шелъ и общій характеръ средневѣковой политической дѣйствительности. Національное самосознаніе формирующихся новыхъ народовъ долго еще не могло сложиться, большое значеніе въ политической жизни имѣли такіе космополитическіе институты, какъ священная Римская имперія и папство, такія общенародныя предпріятія, какъ крестовые походы; языкомъ науки былъ мертвый латинскій языкъ, а самое содержаніе научныхъ, философскихъ и политическихъ трудовъ слагалось подъ вліяніемъ космополитическихъ католическихъ тенденцій. Историографія среднихъ вѣковъ, какъ и вся средневѣковая наука, находится также *подъ теологической опекой*. Какъ философія въ средніе вѣка считалась за простую прислужницу богословія, такъ и исторія имѣла своей задачей исключительно служеніе богословскимъ цѣлямъ. Основаніемъ средневѣковой философіи исторіи служила литература отцовъ церкви. Въ IV вѣкѣ *Лактанцій* въ своемъ сочиненіи «Семь книгъ о божественномъ устроеніи» ставитъ исторію въ зависимость отъ идеи Божественнаго искупленія и, по аналогіи съ шестью днями творенія, полагаетъ для всей исторіи человѣчества періодъ въ 6000 лѣтъ. Окончательно теологическая философія исторіи была установлена въ знаменитомъ трудѣ *бл. Августина* «О государствѣ Божіемъ», написанномъ между 412 и 426 гг. Августинъ усматриваетъ во всемірной исторіи постепенно устанавливающуюся противоположность съ одной стороны *государства Божія*, съ другой стороны *мірского государства*. Историческимъ результатомъ этой противоположности явилась католическая церковь и всемірная римская имперія. Мірское государство представляется результатомъ грѣхопаденія людей, которое укрѣпило на землѣ царство дьявола, тогда какъ католическая церковь является учрежденіемъ, подготовляющимъ вѣрующихъ къ окончательному спасенію, будучи хранительницей благодати. Вся исторія получаетъ характеръ провиденціально руководимой борьбы царства благодати съ царствомъ зла, причемъ ея завершеніемъ должна быть полная побѣда благодати надъ зломъ. Наслѣдственный грѣхъ людей, представляющій собой результатъ злоупотребленія свободой, побѣждается божественной любовью, сказывающейся въ обновляющемъ дѣйствіи благодати. Исторія есть постепенный процессъ очищенія достойныхъ, предопредѣленныхъ Богомъ къ спасенію душъ, ихъ шествія отъ грѣха, раздробленія и муки къ праведности, единству и блаженству. Въ этомъ состоитъ основной законъ историческаго процесса, который въ тоже время предста-

---

[1]) См. къ послѣдующему *Эйкенъ*, Исторія и система средневѣкового міросозерцанія (1907), 568 сл. *Герье*, Философія исторіи отъ Августина до Гегеля (1915). Кн. *Е. Н. Трубецкой*, Религіозно-общественный идеалъ Западнаго христіанства въ V в. Міросозерцаніе бл. Августина (1892). *Его же*. Религіозно-общественный идеалъ Западнаго христіанства въ XI в. Идея Божескаго Царства въ твореніяхъ Григорія VII и публицистовъ его современниковъ (1897).

вляется и предопредѣленнымъ самимъ Богомъ прогрессомъ. Руководящей нѣлью историческаго разсказа у Августина, какъ и во всей послѣдующей средневѣковой исторической литературѣ, является прославленіе Бога и Его истинной церкви.

Въ то время, какъ по отношенію къ свѣтскому владычеству въ исторіи постоянно происходила смѣна первенствующихъ народовъ, преемство Божественной истины всегда покоилось на одномъ *избранномъ народѣ еврейскомъ*. Поэтому, хотя исторія человѣчества теперь представляется, какъ одно связное цѣлое, но центръ тяжести переносится на исторію еврейскаго народа и въ нее уже вплетается исторія другихъ народовъ. Такъ получается своеобразная *періодизація всемірной исторіи*, основанная на Библейской традиціи и обыкновенно сводящаяся къ шести періодамъ по аналогіи съ шестью послѣдовательными возрастами каждаго человѣка. Первый изложилъ всемірную исторію съ такой точки зрѣнія *Исидоръ Севильскій* въ своей книгѣ «De discretione temporum» (начало VII вѣка). Эти періоды идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) отъ Адама до Ноя, 2) отъ Ноя до Авраама, 3) отъ Авраама до Давида, 4) отъ Давида до Вавилонскаго плѣненія, 5) отъ Вавилонскаго плѣненія до Рождества Христова, 6) отъ Рождества Христова до Страшнаго Суда. Съ этой періодизаціей перекрещивается основанное на двухъ мѣстахъ писаній пророка Даніила (II, 37 слл., VII, 3 слл.) ученіе *о четырехъ міровыхъ монархіяхъ*, которыя послѣдовательно смѣняютъ въ исторіи другъ друга, а именно: 1) Ассиро-Вавилонской, 2) Мидо-Персидской, 3) Грекo-Македонской и 4) Римской. *Ѳома Аквинскій* прибавилъ сюда пятую монархію, которой было уже царство Христово. Оно должно было распространяться на весь міръ и существовать до самаго его конца.

При такой общей концепціи исторіи, своеобразный характеръ должно было получить и ученіе объ исторической причинности. Историки имѣли въ виду не столько естественную связь событій и ихъ зависимость другъ отъ друга въ порядкѣ причинныхъ рядовъ, столько *окончательную цѣль исторіи, намѣченную самимъ Богомъ*, которая и вносила единство и связность въ историческій процессъ. Августину вся исторія представлялась сплошнымъ чудомъ, которое совершается Божескимъ всемогуществомъ надъ человѣческимъ естествомъ. Всѣ историческія событія получаютъ *аллегорическое значеніе* и истолковываются въ связи съ идеей человѣческаго спасенія отъ власти грѣха. Такъ, древней исторіи обыкновенно придается значеніе прообраза будущаго христіанскаго періода. Событія изъ исторіи еврейскаго народа истолковываются, какъ указанія на будущія событія христіанской эпохи. Принесеніе въ жертву Исаака есть прообразъ распятія Христа, убіеніе Голіаѳа Давидомъ—прообразъ побѣды Христа надъ адомъ, сонъ царя Астіага—прообразъ откровенія, бывшаго дѣвѣ Маріи, и т. п. У правовѣрно католическихъ писателей всѣ событія исторіи и всѣ историческіе дѣятели получаютъ положительную или отрицательную оцѣнку въ зависимости отъ ихъ *отношенія къ католической церкви*. Нѣсколько умѣреннѣе и безпристрастнѣе въ своихъ сужденіяхъ писатели, стоявшіе на сторонѣ императоровъ въ ихъ борьбѣ съ папами; дѣло въ томъ, что эти писатели также очень высоко ставили интересы церкви, но только не соглашались вполнѣ подчинить имъ интересы государства; поэтому, будучи далеки отъ отрицанія заслугъ поборниковъ церкви, они только старались реабилитировать тѣхъ дѣятелей, вся вина ко-

торыхъ заключалась въ отстаиваніи самостоятельности государства. Нечего и говорить о томъ, что вся исторіографія была проникнута *вѣрой въ чудесное*. Это приводило къ смѣшенію легендарныхъ разсказовъ съ исторической истиной. Идея измѣнчивости всѣхъ условій человѣческой жизни въ исторической эволюціи совершенно отсутствовала. Поэтому средневѣковые историки отличаются большой склонностью *модернизировать* историческія событія, приписывать дѣятелямъ прошлаго времени такіе мотивы, которые свойственны только эпохѣ самого историка, и вообще представлять себѣ событія отдаленныхъ эпохъ въ средневѣковой обстановкѣ. Эти воззрѣнія долго продолжали отражаться въ церковной живописи, которая изображала библейскія событія въ обстановкѣ и костюмахъ, современныхъ художнику [1]).

Само собою разумѣется, что при указанномъ характерѣ историческихъ трудовъ *никакой правильной критики источниковъ быть не могло*. Какъ сказано, эпоха отличается вѣрой въ чудеса и потому уже не можетъ проявлять большого историческаго скептицизма. Сверхъ того, вся средневѣковая наука проникнута духомъ *уваженія къ авторитету*, воспитаннымъ теократическимъ характеромъ культуры: задачей науки вѣдь вообще считалось истолкованіе непреложныхъ истинъ, заключающихся въ Божественныхъ книгахъ откровенія. Поэтому и въ исторіи всегда больше были склонны принимать на вѣру, чѣмъ провѣрять. Нерѣдко историческое изложеніе облекалось въ стихотворную форму, что также не могло способствовать его точности. Наличность въ средніе вѣка многихъ *поддѣлокъ важныхъ документовъ*, изъ которыхъ нѣкоторыя сыграли очень видную роль въ ходѣ событій, также свидѣтельствуетъ о весьма низкомъ состояніи исторической критики. Напомню такія общеизвѣстныя поддѣлки, какъ «Константиново дареніе», на которомъ опирались притязанія папъ на свѣтское господство въ Римѣ и Италіи, и «Лже-Исидоровы декреталіи», которыми папы поддерживали свои права на верховенство во всей христіанской церкви.

IV. Въ средніе вѣка, какъ видно изъ сдѣланнаго очерка, состояніе исторической науки, въ общемъ, понизилось сравнительно съ тѣмъ, что было сдѣлано античнымъ міромъ, но и античный міръ не дошелъ еще до концепціи исторіи, какъ генетической науки съ самостоятельнымъ интересомъ и своими собственными пріемами изслѣдованія. Созданіе такой науки было уже дѣломъ *новаго времени*, начиная съ эпохи Итальянскаго Возрожденія [2]).

Эпоха Возрожденія характеризуется тѣмъ, что представители науки и литературы сперва въ Италіи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ рѣшаются сбросить съ себя иго внѣшняго авторитета. Начинается усиленное *изученіе образцовъ античной литературы*, забытыхъ въ средніе вѣка, и стремле-

---

[1]) О поучительно-церковномъ характерѣ нашей начальной лѣтописи см. *Ключевскій*, Курсъ, I, 111 сл. О системахъ философіи исторіи, которыя создавались на теологическихъ основахъ въ позднѣйшее время (Боссюэтъ, Лейбницъ, Лессингъ) см. *Герье*, цит. соч., 13—23.

[2]) Ср. ко всему послѣдующему *Wegele*, Geschichte der Deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus (1885) *Goldfriedrich*, Die historische Ideenlehre in Deutschland (1902) *Fitter*, Geschichte der neueren Historiographie (1911). *Bernheim*, Lehrbuch d. hist. Methode, гл. I § 2, гл. II § 3, гл. V § 5. *Бернгеймъ*, Философія исторіи (пер. Рождественскаго). *Герье*, цит. соч. *Лаппо-Данилевскій*, Методологія исторіи, вып. I (1910). *Flint*, History of the Philosophy of History (1893).

ніе возродить пріемы изслѣдованія и изложенія, выработанные писателями древняго міра. Это движеніе отразилось и на исторіографіи. Историки эпохи Возрожденія въ Италіи начали переносить въ свои произведенія какъ достоинства, такъ и недостатки греческой и римской исторіографіи. Ихъ труды, прежде всего, отличаются *секуляризаціей историческаго изложенія*. Они устраняютъ представленіе объ историческомъ процессѣ, какъ о предопредѣленномъ заранѣе въ духѣ потусторонняго спасенія человѣческаго рода и руководимомъ самимъ Богомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ изъ построенія историковъ знаменитая теорія четырехъ монархій и обычная въ средніе вѣка періодизація, основанная на исторіи евреевъ. Далѣе замѣчается гораздо *меньшее довѣріе къ чудесному элементу* въ историческихъ разсказахъ, хотя, конечно, далеко не сразу историческая критика развилась въ такой степени, чтобы была въ состояніи вполнѣ отдѣлить отъ достовѣрныхъ свѣдѣній тѣ легендарные элементы, которые съ ними перемѣшивались въ традиціонныхъ изложеніяхъ не только событій среднихъ вѣковъ, но и разныхъ эпохъ античной исторіи. И вообще вполнѣ твердую опору подъ собой эта тенденція къ устраненію чуднаго элемента получила подъ собой только тогда, когда на почвѣ успѣховъ естествознанія укрѣпилась мысль о безусловной причинной необходимости всего, что совершается. Но въ тоже время гуманисты усвоили себѣ изъ античныхъ образцовъ, особенно римской литературы, воззрѣніе на исторію не столько, какъ на самостоятельную науку, сколько какъ на *родъ политическаго и моральнаго памфлета*. Поэтому въ историческое изложеніе не стѣсняются вносить добавленія публицистическаго или морализирующаго характера и часто для этого пользуются излюбленнымъ пріемомъ классиковъ, т. е. вкладываніемъ въ уста историческихъ персонажей вымышленныхъ рѣчей. Самое изложеніе историческихъ событій получаетъ тенденціозный характеръ, такъ какъ съ его помощью стремятся обосновать тѣ или иныя положенія политическаго или моральнаго содержанія. Отношеніе къ источникамъ также не отличается большой критичностью; часто авторъ просто излагаетъ то, что онъ находитъ у кого-либо изъ своихъ предшественниковъ, причемъ не стѣсняется и въ буквальныхъ позаимствованіяхъ изъ чужого текста. Что еще хуже, историки этой эпохи иногда просто *искажаютъ историческіе факты* въ погонѣ за обоснованіемъ какого-либо политическаго или моральнаго вывода. Всѣми этими недостатками отличаются произведенія даже такого выдающагося писателя, какъ знаменитый политикъ *Николо Макіавели* (1469—1527). Главное достоинство этого автора состоитъ въ томъ, что въ своихъ сочиненіяхъ (Флорентинская исторія, Разсужденія о первой декадѣ Тита Ливія, О государѣ) Макіавели держится строго *реалистической точки зрѣнія*, вездѣ ищетъ соотношенія жизненныхъ силъ, причемъ главными факторами историческаго процесса считаетъ наклонности и страсти людей. А такъ какъ природа человѣческая представляется ему неизмѣнной, то онъ глубоко убѣжденъ въ полной возможности извлекать политическія поученія изъ исторіи. Его труды поэтому часто больше приближаются къ типу соціологическихъ трактатовъ, чѣмъ чисто историческихъ изслѣдованій; онъ не столько заботится о передачѣ намъ историческихъ фактовъ, какъ объ освѣщеніи ихъ историческими параллелями и выведеніи изъ нихъ практическихъ поученій. Историческая причинность не опредѣляется всецѣло волею людей, въ исторіи большую роль играетъ

судьба. Но мудрый и хитрый политикъ многаго можетъ добиться, искусно играя человѣческими страстями и слабостями.

Итальянское возрожденіе и слѣдующая за нимъ реформаціонная эпоха тѣмъ не менѣе дали кое-что существенное и въ области исторической *критики источниковъ*. Не говоря о томъ, что открытія новыхъ классическихъ произведеній, забытыхъ въ средніе вѣка, значительно расширяютъ кругъ историческихъ источниковъ, усилившаяся борьба съ папствомъ приводитъ къ обнаруженію нѣсколькихъ подлоговъ въ документахъ, на которые опирались защитники папскаго верховенства, что составляетъ большой шагъ впередъ въ дѣлѣ критики текстовъ. Такъ *Лоренцо Валла* (1407—1457) доказалъ подложность извѣстнаго намъ «даренія Константина».

Въ связи съ лучшимъ знакомствомъ съ культурой античнаго міра, развивается представленіе объ *измѣнчивости всѣхъ культурныхъ явленій въ историческомъ процессѣ*. Ясно замѣчаютъ разницу между античнымъ міромъ и «темными» средними вѣками, а, съ другой стороны, и свое время, какъ основанное на возрожденіи античной культуры, также начинаютъ противополагать средневѣковью. Съ теченіемъ времени на почвѣ такихъ представленій выростаетъ *новое раздѣленіе человѣческой исторіи на обширные періоды*. Окончательно оно оформилось, впрочемъ, только къ XVII вѣку; впервые профессоръ въ Галле *Christoph Cellarius* (1634—1707) предложилъ дѣлить исторію на три основныхъ эпохи: *древнюю* исторію, которую онъ доводилъ до Константина Великаго, исторію *среднихъ вѣковъ*, продолжающуюся по его конструкціи до взятія Константинополя турками (1453 г.), и *новую* исторію. Это дѣленіе вошло во всеобщее употребленіе, хотя границы періодовъ намѣчаются не всегда одинаково и въ соотвѣтствіи со схемой Целлариуса.

Воззрѣнія итальянскаго Возрожденія, однако, на первыхъ порахъ не оказали особенно прочнаго вліянія на состояніе исторіографіи. Вскорѣ началась *реформаціонная эпоха*, когда человѣческая мысль съ новымъ интересомъ обратилась опять къ религіознымъ вопросамъ. Уже нѣмецкіе гуманисты въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ не слѣдуютъ идеямъ итальянскаго ренессанса. У нихъ въ значительной степени удерживается средневѣковое теологическое истолкованіе исторіи. Исторія германскаго народа въ связи съ основной идеей Германской Имперіи, какъ продолженія Римской, трактуется по образцу средневѣковыхъ всемірныхъ хроникъ. Только мѣстная исторія проявляетъ болѣе свѣтскія и свободныя тенденціи. На почвѣ реформаціи и связанной съ нею католической реакціи особенно усиливается интересъ къ исторіи церкви, который продолжаетъ содѣйствовать поддержанію теологическаго характера историческихъ изложеній.

Неблагопріятно отражается на судьбахъ исторической науки и все укрѣпляющійся *раціонализмъ*, который постепенно приводитъ къ торжеству представленія о государствѣ и обществѣ, какъ объ искусственныхъ продуктахъ человѣческаго творчества. Соціальныя образованія истолковываются не какъ закономѣрный продуктъ соціологическихъ факторовъ, часто не поддающихся человѣческому контролю, но какъ созданія самихъ людей, опредѣляемыя ихъ сознательными разсчетами. Въ основу политическихъ ученій полагается *теорія общественнаго договора*, какъ фундамента, на которомъ держится государство и общество, и неизмѣннаго *естественнаго права*, кото-

рое представляется идеаломъ общественнаго порядка и можетъ быть открыто силами человѣческаго разума на почвѣ размышленія о человѣческой природѣ, ея исконныхъ и вѣчныхъ свойствахъ. Съ точки зрѣнія подобныхъ представленій, вѣрой въ которыя все болѣе проникались руководящіе умы, все исторически сложившееся оказывалось не имѣющимъ положительной цѣнности, разсматривалось обыкновенно, какъ болѣе или менѣе безобразное уклоненіе отъ идеала, происшедшее вслѣдствіе неразумія людей и произвола властителей, преслѣдовавшихъ свои эгоистическія цѣли. Соціальное зло считали возможнымъ устранить радикальными реформами, основанными на изученіи вѣчной и неизмѣнной человѣческой природы. Очень характерны въ этомъ отношеніи тѣ методологическія объясненія, которыя мы находимъ у одного изъ основателей доктрины естественнаго права въ новое время—*Гуго Гроція* (1583—1645). Этотъ авторъ очень часто пользуется въ своемъ знаменитомъ трактатѣ «О правѣ войны и мира» историческимъ матеріаломъ; но онъ прямо заявляетъ, что исторія цѣнна лишь тѣми примѣрами, которые изъ нея можно извлечь и которые тѣмъ пригоднѣе, чѣмъ лучше народъ и эпоха, откуда они почерпаются. Вообще же при написаніи своего сочиненія онъ старался отвлечься отъ фактовъ и слѣдовалъ методу математиковъ, которые разсуждаютъ о фигурахъ, отвлекаясь отъ тѣлесной природы предметовъ, данныхъ въ опытѣ (введ. 46, 58).

При такихъ условіяхъ историческія изслѣдованія, конечно, не могли получить особой цѣны въ глазахъ ученаго міра и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что историческая методологія сравнительно мало двигается впередъ. Слѣдуетъ отмѣтить, впрочемъ, нѣсколько исключительныхъ явленій, которыя своей исключительностью только подтверждаютъ общее положеніе дѣла.

Такимъ явленіемъ, прежде всего, оказывается книга французскаго публициста, основателя теоріи государственнаго суверенитета, *Жана Бодена*, озаглавленная «Methodus ad facilem historiarum cognitionem» (1566). Въ этой книгѣ содержится весьма глубокая для того времени *разработка методологіи исторіи*. Боденъ различаетъ три вида исторіи: человѣческую, естественную и Божественную. Первая учитъ насъ отличать честное отъ постыднаго, вторая—истинное отъ ложнаго, третья—благочестіе отъ нечестія. Наименѣе устойчивой и потому наименѣе точной является человѣческая исторія, гдѣ большое значеніе имѣетъ свободная воля людей и потому постоянно возникаютъ новые законы, новые нравы, новыя установленія, новые обряды. Методы познанія этой исторіи авторъ и подвергаетъ разсмотрѣнію. Онъ останавливается на самыхъ пріемахъ историка съ цѣлью указать на тѣ опасности, съ которыми ему приходится считаться, если онъ хочетъ разсказать своимъ читателямъ то, что было на самомъ дѣлѣ. Боденъ отмѣчаетъ, что источники часто бываютъ тенденціозны, вслѣдствіе той позиціи, которую авторъ занимаетъ по отношенію къ излагаемымъ событіямъ; рекомендуется поэтому по возможности сравнивать различныя изложенія и провѣрять, насколько они между собой согласуются; указывается на предпочтительность тѣхъ данныхъ, которыя почерпаются изъ офиціальныхъ актовъ и собственнаго наблюденія, надъ тѣми, которыя собираются по наслышкѣ. Но Боденъ далекъ еще отъ строгаго разграниченія первоначальныхъ источниковъ и позднѣйшей ихъ передачи; онъ считаетъ возможнымъ довольствоваться

при составленіи историческаго труда позднѣйшими авторами, если они представляются заслуживающими довѣрія, но не добираться непремѣнно до первоисточниковъ. Не высказываясь рѣшительно противъ астрологіи, т. е. противъ мысли, что движеніе небесныхъ тѣлъ вліяетъ на ходъ земныхъ событій, Боденъ также придаетъ таинственное значеніе числамъ и, напримѣръ, число 496 считаетъ роковымъ въ жизни государствъ. 496 лѣтъ прошли отъ Августа до Августула, отъ изгнанія царей до диктатуры Цезаря, отъ Константина Великаго до имперіи Карла В., отъ основанія Альбы до ея разрушенія, отъ Саула до плѣненія и т. д. (гл. VI). Важную заслугу Бодена составляетъ то обстоятельство, что онъ обращаетъ серьезное вниманіе на зависимость хода историческихъ событій отъ различія въ народныхъ характерахъ, а самое это различіе ставитъ въ связь съ условіями окружающей природы. Соотвѣтственно съ этимъ онъ предлагаетъ новую періодизацію исторіи: первую эпоху составляетъ господство южныхъ народовъ съ ихъ религіозно философскимъ духомъ, вторую — господство государственнаго духа, отличающаго народы средней полосы, третью — появленіе техническихъ усовершенствованій и искусствъ и возникновеніе военныхъ предпріятій сѣверныхъ народовъ. При этомъ Боденъ вовсе не выступаетъ проповѣдникомъ односторонней зависимости человѣка отъ природы; онъ убѣжденъ, что характеръ народа можетъ мѣняться въ связи съ измѣненіемъ пищи, нравовъ и законовъ. Боденъ отвергаетъ средневѣковую теорію четырехъ монархій и считаетъ порожденіемъ стариковскаго настроенія, видящаго все хорошее позади, ученіе о безвозвратно минувшемъ золотомъ вѣкѣ. Напротивъ, онъ самъ вѣритъ въ прогрессъ, считаетъ, что его собственное время въ культурномъ отношеніи выше античной эпохи; въ доказательство этого онъ приводитъ изобрѣтеніе компаса и развитіе въ связи съ этимъ путешествій и географическихъ открытій, изобрѣтеніе лучшихъ способовъ измѣренія времени, изобрѣтеніе новаго оружія и такого важнаго искусства, какъ типографское.

Вѣру въ прогрессъ раздѣляетъ съ Боденомъ и англичанинъ *Бэконъ Веруламскій* (1561—1626), методологическіе труды котораго относятся къ началу XVII вѣка. Бэконъ увлеченъ идеей *изобрѣтенія*, которое приноситъ человѣческому роду гораздо больше пользы, чѣмъ всякаго рода героическія дѣянія. Онъ занятъ мыслью о такомъ методѣ, который помогъ бы замѣнить въ дѣлѣ изобрѣтенія роль случая особымъ искусствомъ — ars inveniendi. Государство онъ считаетъ также особымъ изобрѣтеніемъ людей, способнымъ къ усовершенствованію, и придаетъ исторіи большое значеніе, какъ наукѣ, которая можетъ указать путь къ такому усовершенствованію. Хотя Бэконъ считаетъ исторію, въ отличіе отъ философіи, дѣломъ памяти, а не разсудка, тѣмъ не менѣе онъ требуетъ отъ историка, чтобы онъ вскрывалъ причинную связь событій. Для исторической критики имѣетъ большое значеніе его ученіе объ «*идолахъ*», т. е. привычныхъ заблужденіяхъ и предразсудкахъ, которые затрудняютъ людямъ путь къ открытію истины. Исторію Бэконъ дѣлитъ не только на церковную и гражданскую, но включаетъ, какъ пожеланіе, еще *исторію литературы и философіи*, которая должна содержать въ себѣ обзоръ всѣхъ успѣховъ, сдѣланныхъ людьми въ области наукъ и искусствъ. Способность человѣка къ изобрѣтеніямъ представляется Бэкону безграничной и только боязнь невозможнаго составляетъ въ его глазахъ препятствіе къ прогрессу наукъ.

Въ XVII же столѣтіи слѣдуетъ отмѣтить важное методологическое открытіе, сдѣланное бенедиктинскимъ монахомъ *Мабильономъ*. Желая доказать подлинность нѣкоторыхъ спорныхъ документовъ своего ордена, Мабильонъ занялся изслѣдованіемъ характера старинныхъ письменъ и вообще внѣшнихъ признаковъ документовъ и въ результатѣ своимъ сочиненіемъ «De re diplomatica libri VI» (1681) положилъ начало нѣлой вспомогательной наукѣ: *палеографіи и дипломатикѣ*, которая теперь играетъ очень видную роль. Для практическихъ цѣлей начинается въ туже эпоху массовое *собираніе и изданіе разнаго рода историческихъ документовъ* въ главныхъ странахъ Европы. Между прочимъ въ XVII вѣкѣ положено начало огромному изданію Acta Sanctorum, въ которое должны войти критически провѣренныя житія католическихъ святыхъ. Въ томъ же столѣтіи возникаетъ во Франціи Académie des inscriptions et belles lettres. Конецъ этого столѣтія и начало XVIII ознаменованы появленіемъ во Франціи цѣлаго ряда сочиненій, авторы которыхъ подвергаютъ суровой критикѣ *традиціонную исторію древнѣйшаго Рима* и стараются доказать ея малую достовѣрность. Въ этомъ направленіи работаютъ аббатъ *de Pouilly* и *Louis de Beaufort*, издавшіе въ началѣ XVIII вѣка работы о недостовѣрности первыхъ столѣтій римской исторіи; ихъ предшественникомъ въ XVII вѣкѣ былъ извѣстный скептикъ *Пьеръ Бейль*, проводившій въ своемъ «Историческомъ словарѣ» общій взглядъ на исторію, какъ на басню. *N. Lenglet du Fresnoy* издалъ въ 1713 г. выдающійся трудъ по методологіи исторіи съ дополненіемъ къ нему 1740 г., въ этомъ трудѣ содержались цѣнныя указанія о различныхъ причинахъ недостовѣрности исторической традиціи и методахъ для ея критики. Въ Германіи собираніемъ историческихъ документовъ много занимается извѣстный философъ *Лейбницъ*, который оставилъ цѣнныя замѣчанія о значеніи для историка критическаго изученія и изданія источниковъ. Въ своей философской системѣ Лейбницъ устанавливаетъ важное для теоріи историческаго познанія различіе между вѣчными истинами *разума* и случайными истинами *факта* и настаиваетъ на реальности индивидуальнаго. Самый міръ представляется ему *однимъ* только изъ возможныхъ случаевъ для Божественнаго творчества. Появляется въ Германіи и еще рядъ методологическихъ трактатовъ по исторіи. Но въ общемъ исторія все еще не занимаетъ позиціи науки, преслѣдующей вполнѣ самостоятельныя цѣли; на нее продолжаютъ смотрѣть, какъ на дисциплину, поставляющую матеріалъ для политическихъ или моральныхъ разсужденій. При такихъ условіяхъ исторія не могла сформировать окончательно своего метода и достаточно широко и интенсивно поставить свои проблемы. Значительный поворотъ въ этомъ отношеніи происходитъ уже въ XVIII столѣтіи.

V. XVIII вѣкъ продолжаетъ быть эпохой раціонализма. Законы міра разсматриваются какъ законы самаго разума, а потому и въ исторіи ищутъ осуществленія раціоналистическихъ схемъ. Вся литература проникнута большимъ *оптимизмомъ*, такъ какъ въ разумно устроенномъ мірѣ все должно совершаться къ лучшему. На рубежѣ XVII и XVIII вѣка стоитъ оптимистическая метафизика Лейбница и оптимизму остается вѣренъ весь XVIII вѣкъ. Но въ философіи вѣка просвѣщенія тѣмъ не менѣе намѣчаются нѣкоторыя новыя черты, отличающія ее отъ системъ XVII столѣтія и имѣющія важное значеніе какъ разъ для общественныхъ и историческихъ наукъ. Во первыхъ,

на первый планъ выдвигается *идея прогресса*, главнымъ образомъ интеллектуальнаго, и міръ разсматривается не въ статическомъ разрѣзѣ, какъ это дѣлаетъ философія XVII вѣка, но въ динамическомъ. Затѣмъ, несмотря на преобладаніе дедуктивнаго метода, ученые и философы XVIII вѣка начинаютъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ прежнее время, привлекать къ разсмотрѣнію эмпирическія данныя, въ томъ числѣ и историческія, и тѣмъ значительно *расширяютъ область историческихъ изслѣдованій*. Наконецъ, мыслители XVIII вѣка въ гораздо большей степени освобождаются въ своихъ научныхъ изысканіяхъ *отъ гнета религіозной догматики*, что приводитъ къ болѣе свободному обсужденію соціологическихъ и историческихъ проблемъ.

Въ 1725 году появилась въ Италіи книга *Джамбаттисты Вико* [1]) подъ названіемъ «Principi di una scienza nuova d'intorno alla natura comune delle nazioni». Эта книга замѣчательна тѣми воззрѣніями, которыя въ ней развиваются относительно *строгой закономѣрности всѣхъ общественныхъ процессовъ*. Въ основѣ Вико продолжаетъ оставаться раціоналистомъ: онъ убѣжденъ въ томъ, что міръ устроенъ разумно и его исторія находится подъ руководствомъ Божественнаго Провидѣнія. Провидѣніе неустанно преслѣдуетъ цѣль установленія совершенной республики между людьми, но, благодаря человѣческой слабости, эта задача не удается. Законы развитія міра и каждаго народа, хотя и вытекаютъ изъ разумнаго порядка міра, должны быть однако открыты путемъ изученія данныхъ опыта. Поэтому Вико привлекаетъ въ широкихъ размѣрахъ историческій матеріалъ и даже создаетъ *критику историческихъ источниковъ*. Онъ не сомнѣвается въ достовѣрности текстовъ источниковъ, но подвергаетъ ихъ сообщенія внутренней, имманентной критикѣ. Именно. онъ убѣжденъ, что все то, что разсказываютъ сами древніе о своей исторіи, должно быть толкуемо съ точки зрѣнія народной психологіи того времени, когда каждый разсказъ появился. Такимъ путемъ онъ приходитъ къ отрицанію исторической достовѣрности такихъ лицъ, какъ Гомеръ, Пиѳагоръ, Солонъ, римскіе цари. Всѣ подобные персонажи являются для него caratteri poetici, коллективно-типическими персонажами, въ разсказахъ о которыхъ слѣдуетъ видѣть воспоминанія о длительныхъ состояніяхъ и учрежденіяхъ, выработанныхъ народными массами. — Каждый народъ въ своей исторіи проходитъ опредѣленные циклы развитія, которые были подмѣчены еще древними Египтянами и сведены ими къ тремъ эпохамъ: *эпоха боговъ*, *эпоха героевъ и эпоха людей*. Въ первую эпоху воображеніе людей, болѣе сильное, чѣмъ разумъ, обращаетъ всѣ вещи въ субстанціи, оживленныя богами; во вторую эпоху правятъ людьми герои, считающіе себя дѣтьми боговъ; въ третью эпоху проявляется человѣческая природа, повинующаяся закону совѣсти, разума и долга (кн. IV, гл. 2). Эти эпохи соотвѣтствуютъ возрастнымъ періодамъ въ развитіи индивидовъ. Существуетъ опредѣленная закономѣрность и въ развитіи формъ государственнаго устройства, причемъ аристократія смѣняется демократіей, которая для народовъ выродившихся и не умѣющихъ достичь идеала смѣняется успокоеніемъ въ лонѣ монархіи и деспотизма. При этомъ исторія отдѣльныхъ народовъ отличается своеобразными чертами въ зависимости отъ хорографическихъ и климатическихъ условій. Когда циклъ развитія

[1]) Ср. *Klemm*. Vico als Geschichtsphilosoph und Völkerpsycholog (1906).

народа закончился, Провидѣніе вмѣшивается и извѣстнымъ переворотомъ вновь начинаетъ процессъ развитія. Такой переворотъ произведенъ христіанскимъ откровеніемъ; послѣ него новые народы вновь проходятъ черезъ эпохи боговъ, героевъ и людей. Такимъ образомъ, несмотря на постоянное стремленіе къ окончательной идеальной цѣли всякаго прогресса, въ человѣческой исторіи проявляетъ свое дѣйствіе и *законъ круговращенія*, т. е. повторенія однихъ и тѣхъ же цикловъ развитія. Самъ Вико слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ значеніе этихъ своихъ идей (кн. 5 гл. 3): «Если мы поразмыслимъ надъ параллелью, которую мы провели между древними и новыми временами, то мы увидимъ, что можемъ похвалиться открытіемъ не частной исторіи Грековъ и Римлянъ, но идеальной исторіи вѣчныхъ законовъ, которыми управляются всѣ народы въ ихъ прогрессѣ, въ ихъ статическомъ положеніи, въ ихъ упадкѣ и концѣ... Вотъ почему мы осмѣлились дать этой книгѣ претенціозное названіе «Новой науки», не находя въ себѣ смѣлости отнять у нея права, которыя она пріобрѣла надъ столь всеобщимъ сюжетомъ, какъ общая природа народовъ».

Большое значеніе для превращенія исторіи въ генетическую науку имѣла философія исторіи, созданная *французскими мыслителями вѣка просвѣщенія*. Правда, исторія, какъ наука съ самостоятельными цѣлями, и имъ остается еще неизвѣстной. Исторія привлекаетъ ихъ вниманіе по прежнему, главнымъ образомъ, какъ средство для постороннихъ цѣлей; они пользуются ею, какъ полемическимъ орудіемъ въ борьбѣ съ традиціями ненавистнаго стараго порядка и какъ хорошимъ способомъ *распространять и доказывать просвѣтительныя идеи*. Но самыя эти цѣли заставляютъ ихъ подходить къ исторіи съ нѣсколько иными пріемами, чѣмъ это дѣлалось раньше: писатели вѣка просвѣщенія стараются *продумать историческій процессъ*, представить его, какъ связное цѣлое, проникнутое опредѣленными идеями; въ связи съ этимъ на первый планъ выдвигаются такія проблемы, какъ вопросъ объ эволюціи общественной жизни, правда, понимаемой больше въ смыслѣ только интеллектуальнаго прогресса. При этомъ установленіе фактовъ не отдѣляется отъ ихъ оцѣнки. Область историческаго матеріала расширяется: впервые начинаютъ обращать вниманіе *на исторію торговли и экономическаго быта и на исторію культуры*; предметомъ историческаго интереса становятся не только выдающіеся дѣятели, но и народныя массы. Конечно, представленія эпохи просвѣщенія объ исторической причинности еще очень неполны и не совсѣмъ правильны; историки этой эпохи слишкомъ еще раціонализируютъ историческій процессъ, черезъ чуръ большую роль отводятъ въ немъ сознательнымъ планамъ людей; далѣе, они съ значительной степени модернизируютъ исторію, представляя себѣ міровоззрѣніе прошедшихъ эпохъ по аналогіи со своимъ собственнымъ. Очень несовершенны пріемы ихъ исторической критики: они любятъ строить сразу широкіе синтезы, недостаточно углубляясь въ предварительную провѣрку фактовъ. Тѣмъ не менѣе, они уже различаютъ народы культурные и некультурные; они ставятъ вопросъ о томъ, не дѣйствуютъ ли въ исторіи какія то несознаваемыя людьми силы, вродѣ «духа времени», они обращаютъ вниманіе на такіе факторы исторіи, какъ географическій. Самое же главное, своими попытками осмыслить исторію, разсматривать ее философски, они содѣйствуютъ укрѣпленію представленія объ историческомъ процессѣ, какъ о связной, закономѣрной эволюціи.

Прежде всего назовемъ здѣсь *Вольтера*. Въ исторіи исторической науки видное мѣсто занимаютъ два его сочиненія: «Вѣкъ Людовика XIV» (1751) и «Опытъ о нравахъ и духѣ народовъ» (1754). Ко второму изданію послѣдняго сочиненія было прибавленъ въ качествѣ введенія очеркъ, посвященный древней исторіи и носившій раньше заглавіе: «Философія исторіи». (1765). Такимъ образомъ, Вольтеръ впервые ввелъ въ употребленіе этотъ новый терминъ. Вольтеръ представляется въ этихъ сочиненіяхъ довольно типичнымъ выразителемъ тенденцій вѣка просвѣщенія, особенно въ «Опытѣ о нравахъ». Историческій матеріалъ въ его рукахъ служитъ средствомъ популяризаціи просвѣтительныхъ идей. Своими историческими изысканіями авторъ хочетъ, прежде всего, показать, что просвѣщенный абсолютизмъ является наилучшимъ состояніемъ для народа. Но характеръ народнаго благосостоянія онъ понимаетъ довольно широко. Онъ знаетъ, что мощь государства зависитъ отъ состоянія его финансовъ и потому удѣляетъ много вниманія исторіи торговли и промышленности; онъ придаетъ большое значеніе наукѣ, литературѣ и искусству и потому останавливается на развитіи и этихъ сторонъ общественной жизни; онъ убѣжденъ, что внутренній миръ въ государствѣ можетъ быть достигнутъ только при наличности религіозной терпимости и съ этой стороны также интересуется характеромъ внутренней политики. Такое содержаніе историческихъ интересовъ Вольтера заставляетъ его въ своемъ изложеніи отступить отъ общепринятаго въ прежнее время исключительно хронологическаго порядка и располагать свой матеріалъ систематически, такъ что предметомъ особаго изученія въ каждую эпоху являются внѣшняя политика, финансы, религія, искусство и т. п., выдѣляемые въ особые отдѣлы. Такимъ образомъ, *вся жизнь государства впервые становится предметомъ историческаго изслѣдованія*. Правда, съ этой задачей Вольтеру не удалось справиться вполнѣ; связь отдѣльныхъ областей общественной жизни между собой и ихъ взаимодѣйствіе выяснены у него довольно слабо.—Въ своихъ трудахъ, посвященныхъ всемірной исторіи, Вольтеръ энергично борется съ представленіемъ, что исторія управляется Провидѣніемъ, ведущимъ всѣ событія къ благому результату; онъ старается показать, какое большое значеніе имѣетъ въ исторіи безсмысленный и съ нашей точки зрѣнія лишенный всякой справедливости случай. Далѣе, Вольтеръ разстается здѣсь съ обычнымъ раньше концентрированіемъ историческаго интереса исключительно на Европѣ; онъ привлекаетъ къ разсмотрѣнію внѣевропейскія страны и иногда ихъ культурѣ даже отдаетъ предпочтеніе въ извѣстныхъ отношеніяхъ надъ европейской. Вольтеръ не всегда хорошо знаетъ свой историческій матеріалъ и далеко не во всѣхъ отношеніяхъ обнаруживаетъ основательную подготовленность къ рѣшенію поставленныхъ задачъ. Но его труды имѣютъ значеніе и для критики источниковъ, такъ какъ его скептическій умъ обнаруживалъ сомнительный характеръ многихъ авторовъ, показаніямъ которыхъ привыкли давать вѣру. Въ особенности часто обнаруживалъ онъ тенденціозность источниковъ. Въ области *философіи исторіи* Вольтеръ сдѣлалъ не особенно много. Правда, какъ указано, ему принадлежитъ самый терминъ «философія исторіи»; но подъ нимъ онъ разумѣлъ не какую нибудь особую дисциплину, а только особую точку зрѣнія на философскій матеріалъ: онъ стремился «читать исторію по философски», т. е. продумывать историческія событія, искать въ нихъ руководящей нити. Однако, самъ Вольтеръ

не имѣлъ вполнѣ опредѣленныхъ представленій о факторахъ историческаго процесса. Онъ послѣдовательно проводилъ лишь ту идею, что въ основѣ исторіи не лежитъ Божественный планъ. Въ остальномъ же онъ часто довольствовался неопредѣленными ссылками на такіе факторы, какъ духъ времени или духъ (génie) народа; человѣческіе планы играютъ въ его историческихъ очеркахъ преувеличенную роль, хотя рядомъ съ ними Вольтеръ говоритъ и о случаѣ.

Огромный успѣхъ имѣло появившееся въ 1748 году сочиненіе *Монтескье* «Духъ законовъ». Этотъ авторъ является больше соціологомъ, чѣмъ историкомъ. Его главная задача состоитъ въ томъ, что показать, что *жизнь людей опредѣляется не ихъ фантазіями, а разнообразными законами*, между которыми существуетъ тѣсная связь. Міръ разумно устроенъ Богомъ и потому во всѣхъ своихъ проявленіяхъ закономѣренъ. Однако, самое понятіе закона у Монтескье отличается большой расплывчатостью. Подъ него онъ одинаково подводитъ и законы природы», и правила откровенной религіи, и законы юридическіе. За людьми онъ признаетъ свободу, которая приводитъ къ тому, что въ своихъ поступкахъ они постоянно нарушаютъ законы, установленные Богомъ, предписанія естественнаго права и законы, самими ими созданные. Тѣмъ не менѣе, даже положительные законы, устанавливаемые людьми, не представляютъ собой результата ихъ произвола; ихъ содержаніе опредѣляется условіями, не зависящими отъ воли людей. Разнообразіе законовъ вызывается различіями географическаго устройства отдѣльныхъ странъ, климата, качества почвы, положенія территоріи, ея величины, образа жизни населенія, степени свободы, предоставляемой народу конституціей, религіи, нравовъ, наклонностей населенія, богатства, численности, развитія торговли, происхожденія народовъ и т. п. Всѣ эти отношенія въ совокупности и составляютъ «*духъ законовъ*». Въ особенности внимательно Монтескье изслѣдуетъ *вліяніе климата* на законодательство и нравы. Для обоснованія своихъ общихъ положеній Монтескье группируетъ въ своемъ трудѣ обширный матеріалъ историческихъ фактовъ, причемъ, подобно Вольтеру, далеко не ограничивается европейскими странами. Но въ исторической критикѣ онъ слабъ и безъ особаго разбора пользуется различными пособіями и текстами источниковъ, не подвергая ихъ строгой провѣркѣ.

Идеи Монтескье нашли себѣ продолжателя и критика въ лицѣ знаменитаго экономиста и политическаго дѣятеля *Тюрго* (1727—1781). Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ разработать своихъ чрезвычайно интересныхъ мыслей о причинахъ прогресса и онѣ извѣстны намъ лишь изъ небольшихъ и незаконченныхъ набросковъ. Тюрго находитъ, что Монтескье слишкомъ упростилъ исторію, стараясь ея закономѣрность свести, главнымъ образомъ, къ климатическимъ условіямъ. На самомъ дѣлѣ историческая причинность много сложнѣе. Тюрго указываетъ, что исторію нельзя объяснить примѣненіемъ физической причинности; въ мірѣ физическомъ все повторяется, тогда какъ исторія представляетъ собою постоянное творчество, являющееся результатомъ сложныхъ *моральныхъ причинъ*. Въ соображеніяхъ Тюрго объ этихъ причинахъ мы находимъ зачатки идеи гетерогоніи цѣлей, развитой въ наше время Вундтомъ; онъ удѣляетъ много вниманія дѣйствію случая, который приводитъ къ перерывамъ и даже къ попятному движенію въ развитіи человѣчества; онъ прослѣживаетъ условія, приводящія къ появленію геніевъ;

у него мы можемъ найти зачатки исторической психологіи и намеки на ту смѣну опредѣленныхъ эпохъ въ состояніи человѣческой мысли, которая впослѣдствіи легла въ основу знаменитаго Контовскаго закона «трехъ фазисовъ».

Принципіальнымъ противникомъ многихъ излюбленныхъ идей вѣка просвѣщенія является *Жанъ Жакъ Руссо*. Какъ извѣстно, Руссо не только не былъ поклонникомъ просвѣщенія, но проводилъ ту мысль, что *цивилизація испортила человѣка*, лишила его той нравственной чистоты, который онъ отличался въ естественномъ состояніи. Поэтому идеаломъ воспитанія у Руссо является, по возможности, возвратъ человѣка къ первобытной невинности, который можетъ быть достигнутъ, если воспитатель сумѣетъ обезпечить должную свободу развитію природныхъ инстинктовъ. Въ противоположность Вольтеру, который проповѣдовалъ теорію просвѣщеннаго абсолютизма, Руссо выступилъ защитникомъ демократическаго республиканскаго строя; въ противоположность общему поклоненію силамъ разума, Руссо на первый планъ выдвигалъ значеніе чувства. Въ своемъ разсужденіи на тему: «Каково происхожденіе неравенства между людьми и установлено ли оно естественнымъ закономъ» (1753), Руссо даетъ намъ цѣлую философію исторіи. Онъ показываетъ здѣсь всѣ прелести естественнаго состоянія дикаря, когда люди жили только инстинктами, были сильны и здоровы и не заботились о будущемъ. У нихъ не было никакой собственности, не было брака и постояннаго общенія другъ съ другомъ даже въ формѣ семьи. Половыя сношенія носили характеръ случайный, а уходъ матери за дѣтьми продолжался лишь до тѣхъ поръ, пока дѣти не научались сами себѣ доставать пищу. Въ такомъ состояніи естественныя неравенства между людьми, выражающіяся въ различіяхъ пола, возраста, физической и моральной силы, не имѣли большого значенія. Все измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ люди, научившіеся изготовлять орудія труда и оружіе и обработывать землю, установили частную собственность. При этомъ режимѣ сразу сказались въ сильной степени значеніе естественныхъ различій между людьми, появились богатые и бѣдные. Богатые добились заключенія общественнаго договора и установленія власти, заботясь объ обезпеченіи, прежде всего, своихъ богатствъ, а общественная власть мало по малу выродилась въ тиранію, задавившую всякую свободу. При этихъ условіяхъ и получило роковое значеніе для людей ихъ естественное неравенство, на почвѣ котораго выросло неравенство политическое и соціальное. Разумъ оказался для людей источникомъ великихъ бѣдствій: люди были бы гораздо счастливѣе, еслибы продолжали жить подъ господствомъ инстинкта. Въ первобытномъ дообщественномъ состояніи отсутствовали поводы къ серьезнымъ раздорамъ, а по природѣ своей человѣкъ отличался сострадательностью, которая не позволяла ему дѣлать зло себѣ подобнымъ безъ особой въ томъ необходимости.—Слѣдуетъ замѣтить, что въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, напримѣръ, въ «Общественномъ договорѣ» Руссо очень смягчилъ это свое отрицательное отношеніе къ переходу изъ естественнаго состоянія въ гражданское посредствомъ заключенія договора и установленія власти и законовъ. Здѣсь онъ указываетъ, что этотъ переходъ поставилъ въ человѣческомъ поведеніи на мѣсто инстинкта справедливость и придалъ дѣйствіямъ людей первоначально отсутствовавшую въ нихъ моральность.

Литература французскаго просвѣщенія завершается трудомъ *Кондорсэ*

«Очеркъ исторической картины прогресса человѣческаго ума» (появилось въ 1795 г. уже послѣ смерти автора). Основная идея Кондорсэ состоитъ въ томъ, что на исторію слѣдуетъ *распространить принципы естествознанія* и обратить ее въ точную науку. Онъ полагаетъ, что, если для всѣхъ вообще явленій вселенной удалось обнаружить дѣйствіе общихъ и постоянныхъ законовъ, то, несомнѣнно, тотъ же результатъ можетъ быть достигнутъ и для выясненія законовъ развитія интеллектуальныхъ и моральныхъ качествъ людей. Въ этомъ смыслѣ Кондорсэ является прямымъ предшественникомъ позднѣйшаго позитивизма, представленнаго Сенъ Симономъ и Контомъ. Въ основу историческаго изслѣдованія Кондорсэ полагаетъ массовые процессы, такъ какъ въ нихъ замѣчается больше постоянства и правильности и изъ нихъ скорѣе можно вывести заключеніе о содержаніи законовъ, которыми управляется исторія. Содержаніе же исторіи сводится къ постепенному прогрессу, выражающемуся съ одной стороны въ увеличеніи и углубленіи знаній, съ другой стороны, въ усиленіи равенства въ общественныхъ отношеніяхъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ своихъ построеніяхъ Кондорсэ, вполнѣ въ духѣ своей эпохи, является *самымъ крайнимъ раціоналистомъ*. Онъ вѣритъ въ то, что весь міръ устроенъ разумно и что всякій случай изъ него исчезнетъ, если только мы вполнѣ изучимъ его законы. Вся исторія представляется ему результатомъ сознательнаго строительства людей: онъ ее рисуетъ, какъ процессъ *борьбы человѣческихъ открытій съ тьмой заблужденіями и суевѣріями*, которыя сознательно распространялись между людьми политическими властителями и ихъ союзниками, представителями религіи, для того, чтобы держать въ повиновеніи народныя массы. Ирраціональные факторы исторіи ему неизвѣстны. Религію онъ сводитъ цѣликомъ къ заблужденію человѣческаго ума и основой всѣхъ пороковъ и политическихъ неудачъ считаетъ исключительно незнаніе или неполное знаніе. Между личностью и обществомъ онъ, конечно, также не усматриваетъ принципіальнаго антагонизма и вѣритъ въ торжество соціальной гармоніи, которая наступитъ, какъ только люди станутъ свободно управляться однимъ только разумомъ на основахъ точнаго знанія.

Обращаясь теперь къ *Германіи XVIII вѣка*, мы остановимся, прежде всего, на главныхъ *системахъ философіи исторіи*, созданныхъ въ этой странѣ. Таковыми являются построенія Гердера и Канта. Принадлежа въ общемъ къ вѣку просвѣщенія, это писатели однако во многомъ примыкаютъ къ идеямъ Руссо и значительно усиливаютъ морализующій элементъ въ философско-историческихъ построеніяхъ.

Гердеръ посвятилъ развитію своихъ идей пространное сочиненіе, не доведенное имъ до конца, подъ заглавіемъ «Идеи къ философіи исторіи человѣчества» (1784 — 1791). Конструкція Гердера, который находился подъ сильнымъ вліяніемъ системъ Спинозы и Лейбница, представляетъ собой сочетаніе натурализма съ телеологической метафизикой. Исторія природы и исторія людей, по концепціи Гердера, составляютъ одно связное цѣлое, единый процессъ развитія, въ которомъ Богъ проявляетъ свою мудрость и благость. Человѣчество есть естественный продуктъ развитія не только животнаго міра, но и неорганической природы. Вся вселенная устроена цѣлесообразно. Ея задача состоитъ въ томъ, чтобы создать надлежащую обстановку для появленія человѣка, который затѣмъ въ теченіе историческаго

процесса постепенно идетъ *къ раскрытію гуманности*, т. е. къ гармоническому развитію всѣхъ тѣхъ свойствъ, которыя возвышаютъ человѣка надъ міромъ животныхъ, дѣлаютъ природу людей «человѣческой». Исторія для Гердера является теодицеей: она намъ раскрываетъ во всемъ присутствіе Бога и его благости. «Если есть Богъ въ природѣ, говоритъ Гердеръ, то Онъ есть и въ исторіи; человѣкъ подчиненъ законамъ не менѣе превосходнымъ, чѣмъ тѣ, по которымъ движутся небесныя тѣла. Наша исторія есть школа для достиженія прекраснаго вѣнка человѣчности и человѣческаго достоинства». «Моря, горныя цѣпи и потоки являются естественными дѣленіями какъ странъ, такъ и народовъ, образовъ жизни, языковъ и царствъ; даже въ величайшихъ революціяхъ человѣческихъ вещей они были направляющими линіями или границами міровой исторіи. Если бы горы расположены были иначе, еслибы рѣки текли по другому и берега моря находились въ иныхъ мѣстахъ, то насколько иныя событія происходили бы на этихъ аренахъ націй». «Сила, которая дѣйствуетъ и мыслитъ во мнѣ, по природѣ своей есть такая же вѣчная сила, какъ та, которая удерживаетъ солнце и звѣзды... Все бытіе равно себѣ, является недѣлимымъ понятіемъ». Такимъ образомъ, конечнымъ идеаломъ для Гердера является торжество космополитической человѣчности. Но съ этимъ космополитизмомъ онъ примиряетъ *идею отдѣльной народности и личности*. Всѣ народы, начиная съ самыхъ низшихъ, и всѣ отдѣльные люди принимаютъ участіе въ процессѣ раскрытія конечнаго идеала и каждый изъ нихъ по своему выявляетъ общую для человѣчества гуманность. Этотъ тезисъ подтверждается дѣлаемымъ Гердеромъ очеркомъ хода всемірной исторіи. Гердеръ много занимался происхожденіемъ языка и изученіемъ народной поэзіи.

Кантъ [1]) подвергъ суровой критикѣ попытку Гердера и самъ выступилъ съ другой схемой философіи исторіи, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ противоположность построеніямъ Гердера. Взгляды Канта изложены, главнымъ образомъ, въ нѣсколькихъ небольшихъ статьяхъ: «Идея ко всеобщей исторіи съ точки зрѣнія всемірнаго гражданства» (1784), «Предположительное начало исторіи человѣка» (1786), «Къ вѣчному міру» (1795). По мнѣнію Канта, Гердеръ неправъ въ томъ отношеніи, что считаетъ человѣческую исторію продолженіемъ исторіи природы. На самомъ же дѣлѣ человѣческая исторія тѣмъ и интересна для насъ, что въ ней мы наблюдаемъ *столкновенія присущей людямъ свободы съ проникающей природу необходимостью*. Человѣкъ начинаетъ свое существованіе съ проявленія чисто животной природы. Его дѣйствія первоначально насквозь обусловлены инстинктомъ. Но человѣкъ надѣленъ также и разумомъ; отсюда вытекаетъ его способность къ свободному самоопредѣленію. Правда, въ своихъ сочиненіяхъ, посвященнымъ практическому разуму, Кантъ относитъ свободу человѣка въ умопостигаемый міръ, признавая человѣка, какъ явленіе въ пространствѣ и времени, существомъ, подчиненнымъ природной необходимости. Этимъ Кантъ очень запутываетъ свое ученіе. Не смущаясь получающимся противорѣчіемъ и несогласованностью съ мыслями о ноуменальномъ характерѣ человѣческой свободы, Кантъ придаетъ свободѣ человѣка принципіаль-

---

[1]) *Medicus*, Kants Philosophie der Geschichte (1902).

ное значеніе и въ своей философіи исторіи. Вся исторія представляетъ борьбу человѣческой свободы съ природой. Если у Гердера выпрямленное положеніе человѣческаго тѣла создается въ результатѣ естественныхъ причинъ и затѣмъ служитъ само причиной развитія разума, то у Канта, напротивъ, разумъ заставляетъ человѣка принять такое вертикальное положеніе тѣла, совершенно не подходящее къ природной организаціи и сопряженное съ рядомъ физіологическихъ неудобствъ. Разумъ производитъ способность рѣчи и вызываетъ различныя проявленія человѣческой свободы: свободный выборъ образа жизни, свободную склонность къ собратьямъ, продуманное отношеніе къ будущему времени. Природа только косвеннымъ путемъ вліяетъ на исторію человѣчества, создавая для людей такія условія, которыя толкаютъ ихъ на путь свободы и разума. Въ общемъ же, человѣкъ, руководимый разумомъ, освобождается отъ власти инстинкта, вступаетъ въ борьбу съ природными склонностями, стремится подчинить себѣ природу и такимъ образомъ преобразовать міръ въ духѣ свободы. Не слѣдуетъ думать, однако, что борьба свободы съ необходимостью ведетъ человѣка къ счастью. Напротивъ, съ проявленіемъ свободы возникаетъ рознь и вражда между людьми; ихъ интересы приходятъ въ коллизію и между ними начинается борьба. Среди людей водворяется характерный антагонизмъ, который Кантъ передаетъ выраженіемъ «*ungesellige Geselligkeit*»: съ одной стороны люди живутъ обществами, съ другой же стороны — ихъ индивидуалистическія наклонности постоянно приводятъ ихъ въ коллизію съ обществомъ. Но вся эта борьба является средствомъ для высшей цѣли, достигаемой усиліями всего человѣческаго рода. Именно, исторія человѣчества, слагающаяся въ этой борьбѣ, должна представлять изъ себя прогрессивное движеніе къ выработкѣ *правоваго государства*, которое обезпечило бы своимъ справедливымъ строемъ свободу личности въ мирно организованномъ обществѣ, и системы *вѣчнаго мира* между народами, которая является необходимымъ дополненіемъ къ идеальному юридическому порядку внутри каждаго государства. Притомъ, вѣчный миръ по Канту долженъ покоиться не на подчиненіи народовъ какому нибудь сильнѣйшему, но на федералистическихъ началахъ, на принципѣ уваженія ко всѣмъ національностямъ. Этой идеальной цѣлью всего человѣчества, но не принципомъ счастья отдѣльныхъ людей, направляется и объединяется всемірная исторія.

Чтобы правильно понять всѣ эти разсужденія Канта, слѣдуетъ помнить, что идеальная цѣль человѣческаго прогресса, содержаніе которой мы только что передали, не представляется Канту чѣмъ-то безусловно гарантированнымъ и предопредѣленнымъ. Если сопоставить его сочиненія по философіи исторіи съ общимъ духомъ его моральной философіи, то эту цѣль человѣчества приходится разсматривать скорѣе, *какъ задачу, возложенную на человѣческій родъ*, выполненіе которой безусловно желательно, до извѣстной степени поощряется и природой, но стоитъ все же въ зависимости отъ того, насколько люди сумѣютъ и захотятъ съ этой задачей справиться. Политическое ученіе Канта является изложеніемъ содержанія долга, лежащаго на всемъ человѣческомъ родѣ, тогда какъ его этика изслѣдуетъ моральное назначеніе индивида.

Помимо этихъ системъ германской философіи исторіи, отмѣтимъ крупный вкладъ въ *методологію исторіи*, сдѣланный профессоромъ *Хладенію-*

сомъ [1]), въ его книгѣ «Allgemeine Geschichtswissenschaft» (1752). Въ этой книгѣ впервые обращено вниманіе на совершенно особое положеніе исторіи, какъ *науки объ индивидуальномъ*, среди другихъ наукъ, т. е. высказана та мысль, которая еще и въ наше время далеко не всѣми признается и служитъ предметомъ защиты со стороны Риккерта. Въ связи съ этимъ Хладеніусъ разрабатываетъ трудный вопросъ объ особомъ характерѣ причиннаго объясненія въ исторіи. Сверхъ того, Хладеніусъ даетъ довольно обстоятельную теорію источниковъ историческаго познанія. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что огромная разница существуетъ между самими историческими событіями и тѣмъ, что мы о нихъ узнаемъ отъ наблюдателей, и затѣмъ изслѣдуетъ способы установить историческую истину и даетъ классификацію историческихъ источниковъ.

Нельзя обойти молчаніемъ въ нашемъ очеркѣ и *Англію XVIII столѣтія*. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду не столько спеціально историческіе труды, которые появились въ Англіи, сколько работы англійскихъ ученыхъ въ области моральной философіи, политической экономіи и соціологіи. Среди *историковъ* этой эпохи выдѣляются *Юмъ*, написавшій «Исторію Англіи отъ вторженія Юлія Цезаря до революціи 1688 г.», *Робертсонъ*—авторъ нѣсколькихъ трудовъ по исторіи Европы и Америки, *Гиббонъ*, составившій себѣ имя своей «Исторіей паденія Римской имперіи». Въ методологическомъ отношеніи всѣ эти писатели, находившіеся въ большей или меньшей степени подъ вліяніемъ Вольтера, ничего особенно оригинальнаго не дали. Что же касается трудовъ *англійскихъ моралистовъ* эмпирическаго направленія, каковы *Шефтсбери*, тотъ же *Юмъ*, *Адамъ Смитъ*, *Фергюсонъ*, то они много способствовали раскрытію того психологическаго механизма, которымъ опредѣляется поведеніе человѣка въ обществѣ и порождается моральная оцѣнка человѣческихъ дѣйствій. Для будущей науки объ обществѣ большое значеніе получили ихъ изслѣдованія о присущихъ человѣку эгоистическихъ и альтруистическихъ чувствахъ, въ особенности о чувствѣ симпатіи, которое лежитъ въ основѣ всей общественности. *Фергюсонъ* рѣзко подчеркнулъ значеніе свойственной человѣку отъ природы активности, которая заставляетъ его находить свое счастіе не въ покоѣ, но въ дѣятельности, и выступилъ съ утвержденіемъ, что общественныя явленія въ значительной степени *не зависятъ отъ человѣческихъ плановъ*, но слагаются какъ непредвидѣнныя послѣдствія такихъ дѣйствій отдѣльныхъ людей, которыя предпринимаются исключительно ради частныхъ интересовъ и, совершая которыя, люди вовсе не предполагаютъ произвести какія-нибудь общественныя перемѣны. Для того времени должно было весьма оригинально звучать положеніе Фергюсона въ его «Опытѣ исторіи человѣческаго общества» (1767 г.), что «ни одно государственное устройство не опирается на договоръ и не одно правительство не организуется по плану», или утвержденіе, что государства претерпѣваютъ наибольшіе перевороты именно тогда, когда никто не думаетъ о перемѣнахъ. Проповѣдуя подобныя воззрѣнія, Фергюсонъ шелъ нѣсколько дальше ученій *англійскихъ экономистовъ* своего времени, имѣвшихъ во главѣ его земляка и друга *Адама Смита*. Для политической экономіи этой эпохи характернымъ является то, что она рѣшительно выступила противъ господствовавшаго прежде меркантилизма, который

[1]) См. *Г. Шпеттъ*, въ «Вопр. фил. и псих.», 1915 г., кн. 128.

въ своихъ представленіяхъ о способахъ расширенія и увеличенія народнаго богатства опирался на старыя теоріи, представлявшія государство продуктомъ искусственнаго строительства людей. Въ противоположность этому физіократы, а затѣмъ школа Адама Смита выступила въ защиту *естественной закономѣрности экономической жизни общества* и, раздѣляя общій оптимизмъ вѣка просвѣщенія, настаивала на томъ, что наилучшей экономической политикой является политика полнаго невмѣшательства государства въ естественный ходъ вещей. Смитъ и его послѣдователи вѣрили въ то, что свободная конкуренція людей, при которой каждый руководится своимъ хозяйственнымъ разсчетомъ, сама собой вызоветъ наступленіе наилучшихъ для всего общества хозяйственныхъ результатовъ. Эта школа также много содѣйствовала укрѣпленію мысли о закономѣрности общественныхъ процессовъ.

VI. Въ *первыя десятилѣтія XIX вѣка* въ исторіографіи, особенно нѣмецкой, происходитъ довольно рѣшительная перемѣна, которая сказывается въ развитіи тенденцій, во многомъ представляющихъ собой полный контрастъ съ вѣкомъ просвѣщенія. Дѣло въ томъ, что европейскій міръ къ этому времени успѣлъ очень *разочароваться въ нѣкоторыхъ принципахъ просвѣтительной философіи* подъ вліяніемъ пережитаго историческаго опыта, а на смѣну этимъ принципамъ силою историческихъ событій выдвинулись новые, которые также на время заняли односторонне преобладающее положеніе въ историческихъ теоріяхъ.

Разочарованіе вызвано было *исходомъ французской революціи*. Здѣсь человѣчество столкнулось съ рѣзко-проведенной попыткой сразу, энергичнымъ натискомъ измѣнить общественный укладъ въ духѣ радикально-построенныхъ теорій, выработанныхъ тѣмъ самымъ разумомъ, которому эпоха просвѣщенія оказывала такое довѣріе. И попытка эта, въ общемъ, оказалась очень неудачной. Въ самой Франціи еще кое-что изъ революціонныхъ идей привилось къ жизни и укрѣпилось. Но до полнаго осуществленія революціонныхъ программъ и здѣсь было еще очень далеко. Напротивъ, эпоха реставраціи показала, какъ много сохранилось и во французской жизни старинныхъ началъ, осужденныхъ просвѣщеніемъ, но лишь временно устраненныхъ силой революціи. Ихъ возрожденіе наглядно показало значеніе *исторической традиціи* и внушило недовѣріе къ попыткамъ перестраивать жизнь, не считаясь съ часто совершенно ирраціональнымъ ея дѣйствіемъ. Что же касается другихъ странъ Европы, то въ нихъ принципы революціи еще менѣе принесли практическихъ плодовъ, несмотря на всѣ попытки насадить ихъ и тамъ. Здѣсь они натолкнулись, помимо дѣйствія традиціи, еще на сопротивленіе другого фактора, съ которымъ эпоха просвѣщенія также мало считалась: именно съ *національными* различіями. Вѣкъ просвѣщенія выработалъ міровоззрѣніе по существу космополитическое. Хотя писатели этой эпохи упоминали о народномъ духѣ, но на дѣлѣ они мало съ нимъ считались и, увлекаясь логическимъ элементомъ въ исторіи, общимъ для всѣхъ людей по самому своему существу, не представляли себѣ въ достаточной степени, насколько ирраціональную величину, часто опрокидывающую всѣ логически выработанные разсчеты, представляетъ собой этотъ народный духъ, и какія большія различія между отдѣльными странами онъ создаетъ. Войны Наполеона I очень содѣйствовали подъему національнаго чувства въ странахъ, испытавшихъ на себѣ гнетъ иноземнаго нашествія. Точно также не придавала эпоха просвѣщенія

должнаго значенія и принципу личности. Въ отдѣльныхъ людяхъ, также какъ и во всемъ историческомъ процессѣ, обращали вниманіе, главнымъ образомъ, на интеллектуальную сторону, которая, подлежа контролю обязательныхъ для всѣхъ людей логическихъ нормъ, оказывается элементомъ наименѣе индивидуальнымъ у всѣхъ людей. Теперь начинаютъ обращать вниманіе на *жизнь чувства*, которую выдвинулъ впередъ уже Руссо, во многомъ шедшій въ разрѣзъ съ типическими тенденціями XVIII вѣка. На этой почвѣ и человѣческая *личность* начинаетъ представляться гораздо болѣе разнообразнымъ и во многомъ ирраціональнымъ факторомъ исторіи, чѣмъ она казалась писателямъ эпохи просвѣщенія [1]).

Въ результатѣ всѣхъ этихъ причинъ, въ историческихъ концепціяхъ все болѣе начинаютъ выдвигаться *ирраціональныя стороны общественной жизни*, не укладывающіяся въ простыя схемы разума. Въ жизни человѣческихъ обществъ начинаютъ искать таинственныхъ силъ, которыя влекутъ за собой людей, помимо ихъ воли и дѣйствіемъ которыхъ нерѣдко опрокидываются человѣческіе планы, какъ бы заботливо они не были продуманы. Въ то время, какъ эпоха просвѣщенія стремилась вывести изъ исторіи указанія на то, какъ человѣкъ можетъ передѣлывать общественную обстановку по своему, теперь на исторію начинаютъ смотрѣть больше, какъ на науку, которая учитъ насъ познанію тѣхъ *непреодолимыхъ преградъ, которыя дѣйствительность воздвигаетъ передъ замыслами отдѣльныхъ лицъ*. Въ то время какъ просвѣщеніе съ его космополитическими тенденціями особенно любило универсально-историческія схемы, новая эпоха на первый планъ выдвигаетъ начало національности и опять начинаетъ ограничивать свои изслѣдованія узкимъ кругомъ народовъ, непосредственно принимавшихъ участіе въ европейской исторіи. Предметомъ особеннаго вниманія и любви историковъ становятся средніе вѣка, излюбленные уже Гердеромъ. Въ этой эпохѣ не совсѣмъ основательно усматривали время наиболѣе яркаго проявленія національныхъ, самобытныхъ началъ новыхъ европейскихъ народовъ.

Таковъ общій характеръ міровоззрѣнія начала XIX вѣка. На этомъ фонѣ мы встрѣчаемся съ рядомъ различныхъ оттѣнковъ мысли, приводящихъ къ появленію отдѣльныхъ школъ, не во всемъ согласныхъ другъ съ другомъ.

Прежде всего отмѣтимъ *романтическую школу;* она выдвинула на первый планъ тотъ факторъ исторіи, который получилъ названіе *„народнаго духа“*. Раціоналистическому представленію объ исторіи эта школа противо-

[1]) Въ этомъ отношеніи можно провести характерное различіе между Кантомъ и *Фихте*. У Канта человѣческая личность представляется въ очень абстрактной формѣ; о человѣческомъ достоинствѣ онъ говоритъ въ совершенно отвлеченныхъ выраженіяхъ и при формулировкѣ нравственнаго долга придаетъ огромное значеніе его всеобщности. Напротивъ, въ системѣ Фихте большую роль играетъ именно *индивидуальность*. Множество конечныхъ разумныхъ существъ представляется философу не простымъ аггрегатомъ, но цѣлой системой, въ которой каждый индивидъ по отношенію къ задачѣ всего человѣческаго рода занимаетъ опредѣленное положеніе и выполняетъ опредѣленную миссію. Служа цѣлямъ мірового процесса, личность не перестаетъ быть особной, и категорическій императивъ Канта получаетъ у Фихте новую формулировку: „дѣйствуй сообразно съ твоимъ назначеніемъ“. См. *мой* „Очеркъ исторіи этическихъ ученій“ (изд. 2, 1913), 146.

поставила принципъ *органическаго развитія общества*. Опираясь, главнымъ образомъ, на данныя исторіи языка и исторіи права, романтическая школа учитъ, что вся культура каждаго народа является естественнымъ продуктомъ раскрытія началъ, заложенныхъ въ народномъ духѣ. Очень любятъ сравнивать развитіе народа съ ростомъ дерева, постепенно возникающаго изъ незначительнаго сѣмячка, посаженнаго въ землю. Съ этой точки зрѣнія вся исторія народа получаетъ характеръ спокойнаго закономѣрнаго развитія въ опредѣленномъ направленіи, зависящаго отъ данныхъ изначальнаго народнаго духа. Въ историческомъ творчествѣ главное значеніе получаютъ *безсознательные факторы*, которые лучше всего проявляются въ дѣятельности массъ. Начинаютъ особенно интересоваться народной поэзіей, а въ области права отдаютъ предпочтеніе обычному творчеству массъ передъ законодательствомъ, такъ какъ въ послѣднемъ слишкомъ большое значеніе получаетъ сознательное размышленіе, которое можетъ привести къ искаженію началъ, заложенныхъ въ народномъ духѣ. Задачей историческаго дѣятеля считаютъ правильное пониманіе народнаго духа: личность не имѣетъ самостоятельнаго значенія въ исторіи; напротивъ, тамъ, гдѣ личность слишкомъ много себя проявляетъ, она только грозитъ нарушить своимъ вмѣшательствомъ правильный процессъ раскрытія народнаго духа и тѣмъ нанести тяжелый ущербъ народной жизни. Всѣ эти соображенія чрезвычайно выпукло развиты въ небольшомъ сочиненіи нѣмецкаго юриста *Савиньи*, который считается основателемъ германской исторической школы въ юриспруденціи [1]). Эта брошюра, названная «О призваніи нашего времени къ законодательству и юриспруденціи» (1814), написана была съ цѣлью отвергнуть предложенія немедленно приступить къ кодификаціи гражданскаго права для всей Германіи, которыя исходили отъ лицъ, желавшихъ этимъ путемъ сдѣлать важный шагъ къ политическому объединенію Германіи. Савиньи считаетъ кодификацію права нежелательной, такъ какъ опасается, что этотъ продуктъ сознательнаго творчества можетъ исказить національныя начала германскаго права.

Заслуга этой школы состояла въ томъ, что она выдвинула на первый планъ идею органическаго роста общества и заставила историковъ при изученіи минувшихъ эпохъ обращать вниманіе на ту тѣсную связь и взаимодѣйствіе, которая существуетъ всегда между отдѣльными сторонами культуры. Въ большой степени было оттѣнено значеніе принципа національности и тѣхъ независимыхъ отъ человѣческихъ разсчетовъ силъ, которыя принимаютъ участіе въ историческомъ процессѣ. Но этой школѣ присущи и очень крупные недостатки. Во-первыхъ, органическій процессъ развитія представлялся *слишкомъ простымъ:* не брали на себя труда изслѣдовать въ подробностяхъ всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ факторовъ, изъ которыхъ это развитіе слагается, но пытались всѣ загадки разрѣшить ссылкой на пресловутый духъ народа. Въ такой постановкѣ народный духъ получалъ характеръ какого-то мистическаго начала, дѣйствующаго по таинственнымъ и недоступнымъ человѣческому разумѣнію законамъ. Для научнаго изслѣдованія этого было слишкомъ мало и неудивительно поэтому, что работы, создавшіяся подъ вліяніемъ разбираемой доктрины, чрезмѣрно упрощали историческій процессъ, слишкомъ

---

[1]) *Новгородцевъ*, Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба (1896).

преувеличивали его стройность и единство. Исторія каждаго народа протекаетъ вовсе не спокойно и не представляетъ изъ себя неуклоннаго движенія въ одномъ и томъ же направленіи. Напротивъ, въ ней всегда проявляется *борьба противоположныхъ идей и интересовъ;* періоды оживленной дѣятельности смѣняются эпохами упадка, застоя и даже иногда возврата назадъ, къ старымъ формамъ жизни. Далѣе, романтическая школа слишкомъ преувеличила значеніе національнаго фактора. На самомъ дѣлѣ народы не живутъ изолированной жизнью и находятся во взаимодѣйствіи; поэтому и самый народный духъ вовсе не есть цѣликомъ прирожденное достояніе каждаго народа, но въ значительной степени представляетъ собой результатъ его *общенія съ другими народами* и той позиціи, которую онъ вынужденъ принимать относительно своихъ сосѣдей. Наконецъ, протестъ противъ раціоналистическаго пониманія исторіи также выраженъ слишкомъ рѣзко. Если вѣкъ просвѣщенія переоцѣнивалъ возможность раціональнаго вліянія на исторію, то романтики, напротивъ, недооцѣнили значеніе человѣческихъ начинаній и *роль личности въ исторіи.* Послѣдовательно проведенное ученіе нѣмецкой исторической школы приводило къ общественному квіетизму, приглашало людей быть безучастными зрителями исторіи, создаваемой независящимъ отъ нихъ народнымъ духомъ и увлекающихъ за собой не только отдѣльныя личности, но и цѣлые народы.

Другимъ направленіемъ была *историческая идеологія*, выраженная, главнымъ образомъ, въ очень извѣстной въ свое время статьѣ *Вильгельма фонъ-Гумбольдта* «О задачѣ историческаго писателя» (1821). Сущность мысли Гумбольдта сводится къ тому, что историкъ, дѣйствительно желающій глубоко проникнуть въ изучаемые имъ процессы, долженъ ставить своей задачей вскрытіе тѣхъ *идей*, которыя характерны для каждой данной эпохи. На такую конструкцію исторіи навели недавно пережитыя событія. Такое событіе, какъ французская революція, легко могло быть конструировано именно въ этомъ духѣ: не трудно было показать, что въ дореволюціонную эпоху во Франціи возникли опредѣленныя идеи, которыми затѣмъ и направлялся ходъ революціонныхъ событій. Дальнѣйшее размышленіе показало, что такая конструкція можетъ быть примѣнена и къ другимъ историческимъ эпохамъ; такъ, мы имѣемъ въ исторіи эпоху реформаціи и смѣнившую ее эпоху католической реакціи; здѣсь также сталкиваются между собой мощные историческіе потоки, которые легко могутъ быть представлены въ видѣ борьбы противоположныхъ идей. Значеніе геніальной личности въ исторіи состоитъ въ томъ только, что ей удается лучше другихъ оформить то идейное теченіе, которымъ опредѣляется ходъ событій въ каждую данную эпоху.

Это идеологическое построеніе въ значительной степени опредѣлило собой характеръ работъ одного изъ выдающихся историковъ XIX столѣтія— *Леопольда Ранке*, который началъ свою писательскую дѣятельность въ 1824 году. Ранке въ основу своихъ историческихъ конструкцій полагаетъ отысканіе господствующихъ идей изучаемыхъ имъ эпохъ. Притомъ въ этихъ идеяхъ онъ не видитъ какихъ-то метафизическихъ сущностей, не пытается вывести ихъ изъ духа народа или изъ опредѣленной единой концепціи исторіи, какъ это дѣлаетъ Гегель (о немъ рѣчь будетъ впереди). Ранке ставитъ своимъ девизомъ разсказать исторію „*какъ она была на самомъ дѣлѣ*“, но считаетъ необходимымъ обобщать событія каждой эпохи именно этими

господствующими идеями, которыя онъ выводитъ изъ разсмотрѣнія событій. При этомъ Ранке большое вниманіе удѣляетъ *международнымъ отношеніямъ* и не стоитъ, слѣдовательно, на узко-національностической почвѣ историческо-романтической школы. Но онъ въ томъ отношеніи сближается съ романтизмомъ, что большое значеніе придаетъ психологическому анализу дѣйствующихъ въ исторіи личностей во всемъ разнообразіи ихъ индивидуальностей. Ранке имѣетъ большія заслуги также и въ области обработки источниковъ. Онъ весьма настаиваетъ на различіи источниковъ первоначальныхъ и производныхъ отъ нихъ, обращаетъ большое вниманіе на тенденціозность историческихъ извѣстій и на возможныя несознательныя извращенія истины въ ихъ передачѣ, при обработкѣ новой исторіи онъ пользуется новымъ источникомъ, значеніе котораго нѣсколько преувеличиваетъ, именно: *дипломатическими донесеніями* иностранныхъ пословъ своимъ правительствамъ.

Въ общемъ, эта идеологія Гумбольдта-Ранке представляетъ собой несомнѣнно положительный вкладъ въ исторіографію. Но слѣдуетъ отмѣтить и присущіе ей недостатки. Они состоятъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что *идеи не являются единственнымъ факторомъ въ исторіи* и школа Ранке не достаточное вниманіе обратила на *генезисъ самихъ идей*. Не всѣ историческіе процессы такъ удобно укладываются въ рамки идеологическаго ученія, какъ французская революція или реформація, да и въ этихъ послѣднихъ процессахъ далеко не все можетъ быть объяснено одной только идеологіей. Въ частности школа Ранке мало обратила вниманія на экономическую сторону исторіи, во многомъ представляющую самостоятельный интересъ. Что же касается генезиса идей, то онѣ у Гумбольдта и Ранке какъ будто зарождаются изъ ничего, представляютъ собой начало совершенно новыхъ причинныхъ рядовъ. Школа при этомъ слишкомъ мало считается съ объединяющимъ вліяніемъ исторической традиціи, значеніе которой особенно выдвинуто было въ ученіи Гегеля.

Прежде чѣмъ перейти къ этому философу, скажемъ нѣсколько словъ еще объ одномъ выдающемся историкѣ первой четверти XIX вѣка, труды котораго имѣли большое историографическое значеніе. Я разумѣю *Нибура;* его «Римская исторія», первые два тома которой вышли въ 1811 году и которая осталась незаконченной, касается исключительно древнѣйшихъ эпохъ Рима. До Нибура уже была произведена разрушительная критика Римскаго преданія, главнымъ образомъ, трудами французскихъ историковъ XVIII вѣка. Нибуръ поставилъ себѣ положительную задачу: онъ хотѣлъ выяснить происхожденіе этого преданія и создалъ гипотезу, которой можно было до извѣстной степени поддержать его достовѣрность. Именно, онъ проводитъ ту мысль, что въ основѣ римскихъ разсказовъ объ основаніи города и его древнѣйшихъ судьбахъ лежитъ *народный эпосъ*, вродѣ Гомеровскихъ поэмъ; поэтому въ этихъ разсказахъ сохранились историческія воспоминанія, только сильно разукрашенныя народной фантазіей; задача историка состоитъ въ томъ, чтобы отдѣлить легендарный элементъ отъ достовѣрнаго. Справедливость требуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что позднѣйшая критика (главнымъ образомъ, труды *Швеглера* и *Моммзена*) заставила отбросить эту гипотезу, показавъ, на какихъ шаткихъ основаніяхъ она держится; въ результатѣ установилось еще болѣе отрицательное отношеніе къ римскому преданію.—Трудъ Нибура интересенъ еще и въ томъ отношеніи, что онъ относится къ римской исторіи не съ морально-

политической точки зрѣнія, какъ это дѣлалось до него, но старается подойти къ ней на строго-реалистической почвѣ и вводитъ въ изслѣдованіе *соціально-экономическія стороны;* онъ рисуетъ намъ борьбу патриціевъ и плебеевъ, какъ столкновеніе класса крупныхъ землевладѣльцевъ съ мелкими, и при этомъ широко пользуется параллелями изъ исторіи современности, непосредственно ему извѣстной изъ наблюденій.

Къ началу XIX вѣка относится основаніе въ Германіи грандіознаго изданія, которое должно служить для опубликованія источниковъ германской исторіи: „*Monumenta Germaniae historica*". Первый томъ вышелъ въ 1826 году, причемъ руководилъ изданіемъ *Пертцъ;* съ 1840 г. дѣятельное участіе въ этомъ предпріятіи принялъ *Вайтцъ*. Подъ вліяніемъ преподавательской дѣятельности главнымъ образомъ Ранке и затѣмъ Вайтца въ Германіи развиваются въ университетахъ *семинарскія занятія* по исторіи, цѣлью которыхъ является воспитаніе будущихъ работниковъ въ наукѣ въ духѣ истинно-научной исторической критики.

Большое вліяніе на послѣдующую исторіографію въ теченіе долгаго времени оказывала грандіозная попытка построить стройную систему философіи исторіи въ идеалистическомъ направленіи, сдѣланная въ первой трети XIX столѣтія *Гегелемъ*[1]). Метафизика Гегеля интересна въ томъ отношеніи, что она пытается сочетать идеи безсознательно-органическаго роста народовъ и національнаго духа съ безконечнымъ разнообразіемъ исторической жизни и путемъ особаго ученія о конкретныхъ понятіяхъ и связанной съ ними діалектикѣ сдѣлать историческій процессъ постижимымъ для нашего ума, несмотря на его органическій, независящій отъ нашей воли характеръ. Правда, послѣдующая критика на почвѣ фактовъ показала, что схемы Гегеля не покрываютъ исторической дѣйствительности и что его система нерѣдко покоится на насиліи надъ фактами. Но это не помѣшало многимъ историкамъ долго увлекаться идеями Гегеля, причемъ имъ придавалась различная окраска, такъ что отъ Гегеля ведутъ свое начало весьма различныя направленія исторической мысли. На философію Гегеля, при всемъ ея идеалистическомъ характерѣ, опирается въ конечномъ счетѣ даже такое направленіе современной исторической науки, какъ созданный Марксомъ и Энгельсомъ экономическій матеріализмъ (ниже § 19).

Въ основу своей концепціи Гегель, подобно Канту, кладетъ идею *свободы*, но придаетъ ей метафизическій характеръ, пытаясь свести всю исторію къ процессу безусловно предопредѣленному лежащими въ его основѣ и не зависящими отъ человѣческаго произвола силами. При этомъ Гегель стоитъ на почвѣ полнѣйшаго *интеллектуализма*. «Все дѣйствительное разумно, утверждаетъ онъ, а все разумное дѣйствительно». Органомъ философіи является разумъ, какъ способность *конкретныхъ понятій*. Конкретно то понятіе, которое не отрицаетъ своей противоположности, но соединяется съ ней и такимъ образомъ въ своемъ развитіи движется отъ тезиса къ антитезису и чрезъ него къ синтезу, который снова ложится въ основу такого же тріадическаго процесса. Въ *тріадическомъ ритмѣ тезиса, антитезиса и синтеза* и состоитъ знаменитый діалектическій методъ Гегеля, который

---

[1]) *Barth.* Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann (1890).

онъ проводитъ въ философіи исторіи. По его ученію, историческій процессъ есть процессъ самопознанія объективнаго духа. Духъ постепенно находитъ самого себя и укрѣпляетъ свою свободу. Отдѣльныя государства выражаютъ собою различные моменты этого процесса и, выполнивъ свою историческую миссію, сходятъ со сцены. Гегель вообще останавливаетъ свое вниманіе почти исключительно на соціальныхъ организаціяхъ, каковы семья, гражданское общество и государство, и на продуктахъ соціальной дѣятельности, каковы право и нравственность. Только эти явленія имѣютъ въ его глазахъ объективное значеніе. Субъективная воля отдѣльныхъ людей и субъективная моральность философа не интересуютъ. Только въ государствѣ происходитъ синтезъ свободы и необходимости, такъ какъ здѣсь субъективная воля человѣка подчиняется законамъ, и только здѣсь мы встрѣчаемся съ дѣйствительной нравственностью, съ нравственнымъ цѣлымъ. Великіе люди для Гегеля цѣнны, лишь какъ выразители воли мірового духа, а человѣческія страсти въ исторіи играютъ лишь ту роль, что объективный разумъ своею «хитростью» заставляетъ ихъ работать на себя. Развивая свою концепцію, Гегель дѣлитъ всю исторію на *три основныхъ эпохи*. Въ восточныхъ деспотіяхъ древняго міра мы имѣемъ эпоху, когда міровой духъ еще себя не позналъ; поэтому востокъ не знаетъ въ государственномъ строѣ свободы всѣхъ, но дошелъ лишь до свободы одного, каковымъ является самъ деспотъ. «Люди Востока, говоритъ Гегель, еще не знаютъ, что духъ или человѣкъ, какъ таковой, свободенъ; такъ какъ они этого не знаютъ, то они не свободны; они знаютъ, что *одинъ* свободенъ, а такая свобода есть только произволъ, дикость, безчувствіе страсти, или же ея случайная и произвольная мягкость и укрощенность». Вторую эпоху составляетъ исторія Греціи и Рима; здѣсь мы наблюдаемъ частичное познаніе мірового духа, вслѣдствіе этого, свободу немногихъ, выражающуюся въ аристократическомъ характерѣ государствъ. Наконецъ, третью и послѣднюю эпоху всемірной исторіи составляетъ настоящій, германскій періодъ, въ теченіе котораго міровой духъ доходитъ до полнаго самопознанія, находящаго себѣ объективное выраженіе въ строѣ современнаго государства германскаго міра, обезпечивающаго свободу всѣхъ, свободу человѣка, *какъ таковаго*. Такимъ образомъ, по системѣ Гегеля міровой процессъ является уже какъ бы завершеннымъ; получается почти такое впечатлѣніе, будто его послѣднимъ словомъ оказывается прусская монархія двадцатыхъ годовъ. Конечно, это составляетъ слабую сторону всего построенія, лишающую его научной объективности и умаляющее его значеніе для разсмотрѣнія дальнѣйшихъ событій исторіи. Эти событія не замедлили показать, какъ много новаго, о чемъ и не мечталъ Гегель, таитъ въ себѣ еще историческое творчество и до чего ограниченнымъ представляется политическій идеалъ германскаго философа.

Цѣнный элементъ Гегелевскаго построенія составляетъ та роль, которую онъ отводитъ *исторической традиціи*. Гегель показываетъ намъ иногда очень удачно, что со значеніемъ традиціи приходится считаться въ исторіи даже тогда, когда начинаютъ развиваться контрастныя теченія; эти теченія Гегель изображаетъ въ видѣ антитезисовъ, которые понятны и мыслимы только на почвѣ соотвѣтственныхъ тезисовъ. Далѣе, Гегель совершенно правильно полагаетъ въ основу историческаго процесса творческую *психиче-*

скую причинность и рисуетъ этотъ процессъ, какъ по существу духовный [1]). Правда, этой причинности приданъ слишкомъ метафизическій характеръ и она поставлена въ узкія рамки отвлеченно логической схемы. *Схематизмъ* вообще представляется основнымъ недостаткомъ системы Гегеля. Его построеніе слишкомъ прямолинейно для того, чтобы въ него можно было безъ натяжекъ уложить историческую дѣятельность. Сравнительно лучше укладывается въ его схемы только исторія философіи, да и то не безъ затрудненій.

Во *Франціи* въ первой половинѣ XIX вѣка развивается другое направленіе исторической мысли, которое само себя окрестило направленіемъ *позитивнымъ*. Оно ведетъ свое начало отъ идей, высказанныхъ еще Кондорсэ, но окончательно выработано трудами Сенъ-Симона и Огюста Конта: цѣнныя добавленія внесли Милль и Бокль въ Англіи.

Уже Кондорсэ, какъ мы знаемъ, высказывалъ ту мысль, что на исторію и вообще на общественныя науки должны быть распространены принципы естествознанія и что въ исторіи могутъ быть обнаружены такіе же точные законы, какъ въ другихъ областяхъ окружающей насъ дѣйствительности. Эти мысли съ большой настойчивостью продолжаетъ развивать графъ *Сенъ-Симонъ* (1760—1825). Онъ очень высоко ставитъ успѣхи, достигнутые естествознаніемъ и математикой, и полагаетъ, что на такую же высоту должна быть поставлена главная для человѣка наука, лежащая въ основаніи человѣческаго общества, нравственная наука. Весь общественный прогрессъ онъ ставитъ въ зависимость отъ *роста знаній* и говоритъ, что Франція очень мало потеряла бы, еслибы въ одинъ прекрасный день, погибли всѣ ея политическіе дѣятели, такъ какъ они легко могли бы быть замѣнены новыми, но зато потеря лучшихъ ученыхъ, художниковъ и промышленниковъ составила бы утрату, ничѣмъ не вознаградимую. Современное общество, которое не полагаетъ въ основу управленія науку, представляется Сенъ Симону свѣтомъ на изнанку. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы *ученые и промышленники* стали во главѣ общества, замѣнивъ собою прежнія касты жрецовъ и воиновъ, и поставили бы свои знанія къ услугамъ бѣднѣйшихъ классовъ. Его схема историческаго развитія Европы сводится къ тому, что *общество превращается изъ военнаго типа въ промышленный* и въ исторіи труда проходитъ стадіи рабства, крѣпостничества и свободнаго наемничества, которое въ будущемъ должно смѣниться господствомъ обобществленнаго труда. Новая власть такого общества, сосредоточенная въ рукахъ ученыхъ и промышленниковъ, будетъ руководиться и новой моралью, основанной на наукѣ и укрѣпляющей уваженіе къ труду и братство между людьми.

На основѣ идей, высказанныхъ Сенъ-Симономъ, *Огюстъ Контъ* [2])

---

[1]) «Измѣненія въ природѣ, какъ они безконечно ни разнообразны, являютъ намъ только круговращеніе; въ природѣ ничего новаго не возникаетъ подъ солнцемъ и потому многоформная игра ея образованій нагоняетъ тоску. Только въ измѣненіяхъ, происходящихъ на духовной почвѣ, возникаетъ новое... Развитіе духа не есть простое безобидное и мирное произрастаніе, какъ въ органической жизни, но тяжелая неохотная борьба съ самимъ собой». *Hegel*, Philos. d. Geschichte (изд. 1848). 67—69.

[2]) *Mehlis*, Die Geschichtsphilosophie Aug. Comtes kritisch dargestellt (1909).

(1798 — 1857) строитъ свое соціологическое ученіе, съ которымъ мы уже сталкивались по другому поводу (выше § 4, V).

Контъ убѣжденъ въ томъ, что человѣчество его времени, прошедшее уже стадіи теологическую и метафизическую и вступившее въ *позитивный періодъ*, должно приступить къ преобразованію науки объ обществѣ въ томъ же позитивномъ направленіи. Предложенная имъ новая наука—*соціологія*—должна завершить собою все зданіе позитивной философіи. Мы уже знаемъ, что въ этой концепціи Конта самая исторія потонула въ соціологіи. Контъ, какъ и его послѣдователи, не оцѣнилъ того значенія, которое представляетъ собой знаніе индивидуальнаго и, настаивая на идеѣ, что знаніе должно обезпечить собою предвидѣніе, а предвидѣніе лежитъ въ основѣ могущества, чрезмѣрно увлекался только обобщающими науками. Другимъ недостаткомъ Контовскихъ концепцій является отсутствіе представленій о качественно-творческомъ характерѣ психической причинности; это приводило къ тому, что Контъ слишкомъ переоцѣнивалъ значеніе общественной организаціи и властнаго авторитета, какъ основъ устойчивой системы жизни людей, и недооцѣнивалъ значенія отдѣльной личности. Вѣдь личность цѣнна въ исторіи именно, какъ главный источникъ творческаго движенія впередъ. Массы являются сравнительно инертнымъ, задерживающимъ элементомъ. Наконецъ, Контъ повторяетъ и ошибку Гегеля: такъ же, какъ у Гегеля, историческое развитіе человѣчества представляется по его схемѣ уже почти законченнымъ; по Гегелю прусская монархія двадцатыхъ годовъ представляется чуть ли не послѣднимъ словомъ человѣческаго прогресса, по Конту позитивизмъ и позитивная религія человѣчества оказывается заключительнымъ звеномъ всего человѣческаго творчества. Въ томъ и другомъ случаѣ возникаетъ вопросъ: въ чемъ же заключается смыслъ дальнѣйшаго существованія человѣческаго рода, разъ основная задача уже выполнена? — Положительное значеніе Конта для исторической науки состоитъ въ томъ, что онъ, подобно нѣмецкимъ романтикамъ, является горячимъ сторонникомъ *принципа преемственности историческаго развитія*. Человѣчество всегда опирается на прошлое, глядя въ будущее. Радикальные перевороты въ соціальныхъ отношеніяхъ немыслимы и такія явленія, какъ возрожденіе, реформація, французская революція, имѣютъ патологическій характеръ. Контъ показываетъ, какъ средневѣковый католицизмъ и феодализмъ подготовили современную позитивную эпоху и, будучи противникомъ церковнаго ученія, находитъ однако много цѣннаго въ соціальной и политической организаціи среднихъ вѣковъ. Большое значеніе для исторіи имѣетъ также то обстоятельство, что Контъ обратилъ серьезное вниманіе на *взаимную связь и зависимость* другъ *отъ друга отдѣльныхъ сторонъ общественной жизни въ каждую данную эпоху*, на ихъ consensus. Онъ показалъ, что для историка необходимо понять цѣлое, если онъ хочетъ понимать части. Политическое, экономическое, интеллектуальное, моральное, эстетическое развитіе другъ друга обусловливаютъ и другъ на друга вліяютъ. Правда, самъ Контъ погрѣшилъ тѣмъ, что въ своихъ собственныхъ построеніяхъ слишкомъ выдвинулъ впередъ только эволюцію интеллекта, которая и легла въ основу его знаменитаго закона трехъ фазисовъ развитія человѣчества.

Позитивизмъ Конта въ значительной степени повліялъ на методологическія воззрѣнія *Джона Стюарта Милля*, который въ своей «Системѣ

логики» (1843 г.) пытается построить и методологію общественныхъ наукъ. При этомъ Милль, подобно Конту, также увлекается принципомъ обобщающаго знанія и, какъ уже было указано (§ 10, I), не придаетъ исторіи самостоятельнаго значенія. Съ Контомъ Милль сходится и въ томъ, что онъ раздѣляетъ вѣру въ законъ трехъ фазисовъ. Но Милль вноситъ и значительныя поправки въ ученіе Конта. Онъ съ извѣстными оговорками является сторонникомъ доктрины *свободы воли* и измѣнчивости человѣческаго характера; онъ утверждаетъ, что въ духовныхъ процессахъ слѣдствія совмѣстно дѣйствующихъ причинъ не бываютъ равны точной суммѣ слѣдствій отдѣльныхъ причинъ и даже не всегда бываютъ однородны съ этими послѣдними; онъ настаиваетъ на неприложимости къ духовнымъ процессамъ точной числовой оцѣнки и вообще *близко подходитъ къ признанію особой психической причинности*, во многомъ отличающейся отъ физической. Поэтому и закону трехъ фазисовъ онъ придаетъ лишь то значеніе, что прогрессъ можетъ происходить только въ этомъ порядкѣ; но онъ подчеркиваетъ, что этотъ законъ вовсе не гарантируетъ того, что прогрессъ *дѣйствительно будетъ* происходить. Соціальную причинность Милль считаетъ возможнымъ вывести изъ свойствъ людей, составляющихъ общество, и не доходитъ еще до представленія объ особой закономѣрности, спеціально присущей массовымъ процессамъ.

Бокль въ своей незаконченной «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» (1858—1861) также проводитъ ту мысль, что на исторію должны быть распространены принципы и методы естествознанія. Слѣдуетъ заботиться объ обнаруженіи той строгой закономѣрности, которая господствуетъ въ историческомъ процессѣ, для чего особое вниманіе надлежитъ обращать на длительныя состоянія и массовые процессы и широко примѣнять статистическіе методы. Вся исторія представляется Боклю, какъ процессъ *взаимодѣйствія между человѣкомъ и природой*. Слѣдуетъ подвергнуть внимательному изученію вліяніе на человѣка природныхъ условій, каковы климатъ, почва, пища, доставляемая флорой и фауной страны; затѣмъ надлежитъ изучать и процессъ воздѣйствія человѣка на природу. Въ послѣднемъ отношеніи особо важное значеніе имѣетъ *накопленіе знаній*. Умственный прогрессъ и по Боклю есть важнѣйшій факторъ исторіи, наряду съ которымъ, напримѣръ, эволюція нравственности самостоятельнаго значенія не имѣетъ. При всемъ своемъ интеллектуализмѣ Бокль однако очень далекъ отъ того, чтобы представлять исторію, какъ результатъ искусственнаго человѣческаго строительства. Напротивъ, онъ выступаетъ рѣшительнымъ сторонникомъ свободнаго самопроизвольнаго развитія и утверждаетъ, что правительства должны ограничиваться исключительно заботами о поддержаніи внѣшняго порядка и не должны вмѣшиваться во внутреннюю жизнь народовъ. Все творчество исходитъ всегда отъ общества, а самыя цѣнныя реформы со стороны правительства сводятся лишь къ тому, что правительство подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія рѣшается отмѣнить то или иное препятствіе свободному развитію, имъ же самимъ воздвигнутое раньше.

Не могу не упомянуть еще о двухъ писателяхъ, идеи которыхъ касаются важныхъ пунктовъ въ системѣ историческаго міровоззрѣнія.

Во Франціи въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ математикъ и философъ *Курно* опубликовалъ рядъ трудовъ, въ которыхъ проводилъ весьма

важную для правильнаго пониманія исторіи идею *раздѣленія всѣхъ наукъ на теоретическія*, которыя устанавливаютъ общіе и неизмѣнные законы природы, и *хронологическія или историческія*, которыя только выясняютъ послѣдовательность фактовъ во времени и ихъ взаимную связь, не будучи въ состояніи подвести эту связь подъ какія-либо общія и неизмѣнныя формулы. Къ числу такихъ наукъ принадлежитъ не только исторія человѣческихъ обществъ, но и многія естественныя науки, которыя Курно предлагалъ называть космологическими; такой характеръ имѣютъ астрономія, геологія, физическая географія, изучающія единичные факты природы, приводимые только въ послѣдовательный порядокъ. Ясно, что Курно близко подходилъ къ тому различенію наукъ на индивидуализирующія и генерализирующія, которое въ наше время обосновалъ Риккертъ [1]). Свою классификацію наукъ Курно основывалъ на своей общей концепціи мірозданія; онъ указывалъ на то, что въ мірѣ существуютъ несомнѣнно ирраціональные факторы, которые не поддаются логическому анализу; поэтому при изученіи явленій природы намъ постоянно приходится сталкиваться съ ролью случая, со значеніемъ *чисто-фактическаго* въ противоположность закономѣрному. Поэтому и въ наукахъ приходится иногда отводить видное мѣсто этому фактическому элементу, что и придаетъ имъ характеръ историческаго, а не теоретическаго знанія.

Въ Германіи юристъ *Рудольфъ фонъ-Іерингъ* начинаетъ принципіальную борьбу съ идеями германской исторической школы въ юриспруденціи, основанной Савиньи. Іерингъ доказываетъ, что на понятіи народнаго духа и его самопроизвольнаго раскрытія нельзя строить исторію права, что историческая эволюція вовсе не есть мирный процессъ, но представляетъ собой результатъ *борьбы противоположныхъ интересовъ*. Наряду съ такими факторами, которые не зависятъ отъ воли человѣка, въ исторіи большое значеніе имѣетъ и сознательное вмѣшательство людей въ ходъ событій. Наряду съ національнымъ началомъ видную роль играетъ международное общеніе и заимствованія. Теченіе историческихъ событій не опредѣляется неуловимыми мистическими силами, но стоитъ въ зависимости отъ совершенно реальныхъ факторовъ, допускающихъ строго-научное истолкованіе. Среди этихъ факторовъ видное мѣсто занимаетъ и сила соціальнаго принужденія; въ основѣ всего права съ одной стороны лежитъ сознательно поставленная человѣкомъ *цѣль*, съ другой стороны, въ качествѣ средства достиженія этой цѣли, сила принужденія, *власть*.

VII. *Позитивистическое направленіе* исторической мысли является преобладающимъ и *въ наше время*. Въ этомъ направленіи на развитіе исторической науки въ новѣйшее время дѣйствовало и то обстоятельство, что *историческія событія самой этой эпохи выдвигали впередъ жизненное значеніе многихъ факторовъ исторической дѣйствительности*, на которыя недостаточное вниманіе было обращено идеологическими построеніями прежней историографіи. Уже *революція 1848 года* наглядно показала историкамъ, какое значеніе имѣютъ въ исторіи народныя массы, и,

---

[1]) Впрочемъ, Курно не съ достаточной опредѣленностью говоритъ объ исторіи, какъ *наукѣ;* иногда онъ ее называетъ просто „*знаніемъ*", что не мѣшаетъ ему разсуждать о космологическихъ *наукахъ*.

вмѣсто туманнаго «народнаго духа» или «общихъ идей», будто бы направляющихъ теченіе историческихъ событій, выдвинула реальныя потребности этихъ массъ, прежде всего экономическія. Въ томъ же направленіи дѣйствовало развитіе рабочаго движенія въ послѣдующіе годы, зарожденіе соціалъ-демократической партіи, разработка фабричнаго законодательства. *Война 1870 года* обратила всеобщее вниманіе на значеніе военной силы и военной организаціи, которое слишкомъ недооцѣнивалось либеральной исторіографіей первой половины столѣтія, односторонне выдвигавшей впередъ чисто-парламентскую и дипломатическую исторію. Въ самые послѣдніе годы прошлаго столѣтія и въ началѣ XX вѣка историкамъ пришлось считаться съ тѣмъ, что современная общественная жизнь все больше и больше принимаетъ характеръ *всемірно-историческій;* дѣятельное участіе въ политикѣ культурныхъ народовъ начинаютъ принимать внѣевропейскія страны, вродѣ Сѣверной Америки, Японіи, Китая; сами европейскія страны придаютъ очень большое значеніе своей колоніальной политикѣ. Это обстоятельство оживило и въ исторіографіи интересъ къ судьбамъ внѣевропейскихъ странъ и къ этнографическимъ изслѣдованіямъ. Понятно поэтому, что въ наше время *исторія приняла ярко-реалистическій характеръ*. Мысль историковъ направлена, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы вскрыть основные факторы историческаго процесса и составить себѣ представленіе о томъ механизмѣ, которымъ управляется исторія и который можетъ быть сдѣланъ предметомъ вполнѣ научнаго, точнаго изслѣдованія. При этомъ мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ несогласныхъ другъ съ другомъ направленій, разница между которыми опредѣляется тѣмъ, какому фактору стараются придать преобладающее значеніе и какой колоритъ приписываютъ исторической причинности въ ея основныхъ чертахъ. Разногласія касаются и вопроса о томъ, можно ли признавать исторію за индивидуализирующую науку.

Споры возникаютъ, во-первыхъ, на той почвѣ, что еще не установилось окончательнаго и всѣми принятаго взгляда на общій *характеръ исторической причинности*. Ученіе *Вундта* о творческой психической причинности и его взглядъ на исторію, какъ науку о духѣ, до сихъ поръ не является еще общепринятымъ. Поэтому, съ одной стороны, все еще продолжаются попытки втиснуть исторію въ неподходящія для нея рамки однозначной физической причинности, съ другой же стороны, предлагается ученіе объ особой однократной исторической причинности, вродѣ извѣстной уже намъ схемы Риккерта.

Далѣе, разногласія происходятъ на той почвѣ, что многіе ученые хотѣли бы изъ всего разнообразія факторовъ, дѣйствующихъ въ исторіи, выдѣлить какой-нибудь одинъ, который и считался бы *основнымъ факторомъ* историческаго процесса. Такъ возникаютъ односторонніе историческія теоріи. Сюда относится *экономическій матеріализмъ*, о которомъ у насъ будетъ рѣчь особо (§ 19). Эта теорія въ основу всей исторіи пытается положить экономическій факторъ, исходя изъ навѣянной отчасти Гегелевской философіей мысли о самостоятельномъ діалектическомъ развитіи хозяйственныхъ отношеній, надъ которыми всѣ остальныя стороны общественнаго быта составляютъ несамостоятельную идеологическую надстройку. Сюда же относится *біологическій матеріализмъ*, который пытается объяснить историческую эволюцію перенесеніемъ въ эту область принциповъ Дарвинизма, каковы идея

борьбы за существованіе и естественнаго отбора. При этомъ упускается изъ вида, во-первыхъ, что и въ біологіи эти принципы далеко не являются общепризнанными (§ 15), во-вторыхъ, что въ соціальныхъ отношеніяхъ между людьми, какъ это будетъ показано ниже (§ 16, III), всѣ эти факторы существенно мѣняютъ свой характеръ сравнительно съ ихъ дѣйствіемъ въ мірѣ животныхъ. Наконецъ, въ эту же категорію падаютъ такія теоріи, какъ *географическій* детерминизмъ, иногда доходящій до утвержденія, что вся исторія цѣликомъ опредѣляется факторами внѣшней природы (ниже § 14), какъ разнаго рода *расовыя* теоріи (§ 15, III), какъ схема *Лампрехта*, которая пытается историческую эволюцію свести къ опредѣленнымъ *періодамъ психическаго роста народовъ*, построеннымъ по аналогіи съ возрастными періодами человѣка (см. ниже § 18).

Наконецъ, до сихъ поръ далеко не всѣ историки усвоили себѣ *идею Риккерта объ исторіи, какъ наукѣ индивидуализирующей*. Не придавая самостоятельной цѣнности знанію индивидуальнаго, нѣкоторые ученые въ большей или меньшей степени пытаются придать исторіи характеръ науки, стремящейся къ установленію обобщающихъ выводовъ, а не изучающей отдѣльныя неповторяющіяся событія во всей ихъ конкретной сложности. Отсюда происходитъ чрезмѣрное увлеченіе изученіемъ длительныхъ *состояній* въ ущербъ кратковременнымъ событіямъ и чрезмѣрное вниманіе къ *массовымъ процессамъ* въ ущербъ роли отдѣльныхъ выдающихся личностей. Въ длительныхъ состояніяхъ и массовыхъ процессахъ, дѣйствительно, можно вскрыть больше типическихъ и сравнительно устойчивыхъ чертъ и это установленіе *историческихъ типовъ* создаетъ иллюзію чего-то подобнаго неизмѣннымъ законамъ природы. Не слѣдуетъ забывать, однако, что типы не суть законы и ихъ установленіе вовсе не значитъ, что историкъ начинаетъ заниматься открытіемъ общихъ законовъ явленій. Это будетъ разъяснено полнѣе ниже (§ 20, II). Съ другой же стороны, увлеченіе состояніями и массовыми процессами съ такой односторонностью приводитъ къ тому, что историческій процессъ слишкомъ упрощается и нѣкоторые важные его факторы оставляются безъ должнаго вниманія. Событія, хотя бы и кратковременныя, вовсе не лишены своей закономѣрности, которая заслуживаетъ изученія, и оставляютъ часто неизгладимые слѣды въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи, а великіе люди не могутъ быть устранены изъ исторіи безъ ущерба для правильности историческаго построенія. Эти мысли также будутъ подробно обоснованы ниже (§ 17). По моему мнѣнію, исторія не пойдетъ въ своемъ развитіи въ такихъ односторонніхъ направленіяхъ и не сведется къ одной археологіи и статистикѣ, какъ это думаютъ мыслители, вродѣ *Тарда* [1]). Подобныя попытки приводятъ лишь къ тому, что стирается грань между соціологіей и историческими науками.

Къ этому результату прямо и приходятъ нѣкоторые современные ученые. Напримѣръ, *Лакомбъ* [2]) утверждаетъ, что наука вообще можетъ заниматься только обобщеніями; поэтому ея предметомъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть единичныя событія. Только исторія, какъ искусство, можетъ

---

[1]) *Тардъ*, Законы подражанія, гл. IV.

[2]) *Lacombe*, De l'histoire considerée comme science. 1894. *Лакомбъ*, Соціологическія основы исторіи. 1895.

заниматься художественнымъ изображеніемъ отдѣльныхъ событій и персонажей. Исторія же, какъ наука, имѣетъ дѣло лишь съ учрежденіями, т.-е. событіями, имѣвшими успѣхъ, и съ тѣми событіями, которыя обусловили собой возникновеніе учрежденій. На этомъ основаніи Лакомбъ *считаетъ вполнѣ возможнымъ замѣнить имя исторіи названіемъ соціологіи* и не дѣлаетъ этого лишь потому, что соціологи вообще спеціализировались на изученіи дикихъ народовъ, а не культурныхъ, и книга, названная «соціологіей», могла бы пройти незамѣченной историками, занимающимися изученіемъ цивилизованныхъ народовъ. Между тѣмъ именно для нихъ авторъ предназначалъ свой трудъ. Всѣ такія конструкціи, мнѣ кажется, покоются на недоразумѣніи и, несомнѣнно, идутъ только въ ущербъ правильно проведенному раздѣленію труда въ наукѣ. Совершенно нѣтъ нужды обращать исторію въ соціологію, а соціологію—въ исторію. Исторія всегда останется знаніемъ объ индивидуальномъ и неповторяющемся. Неправильная постановка вопроса только вредно отражается на выполненіи поставляемыхъ историческихъ задачъ и труды соціологизирующихъ историковъ страдаютъ существенными недостатками именно вслѣдствіе неправильныхъ ихъ представленій о своихъ цѣляхъ [1]). Исторія и соціологія должны помогать другъ другу и взаимно пополнять другъ друга и нѣтъ никакого основанія устранять то различіе между ними, которое опредѣленно проводится самимъ существомъ дѣла. Соціологу для его обобщающей работы приходится пользоваться своими собственными пріемами и методами, которые ничего общаго не имѣютъ съ спеціально историческимъ методомъ критики источниковъ и реконструкціи историческихъ фактовъ.

Въ нѣкоторой связи съ этимъ преимущественнымъ вниманіемъ современныхъ ученыхъ къ исторіи состояній и массовыхъ процессовъ стоитъ и извѣстное перемѣщеніе центра тяжести въ выборѣ *историческихъ источниковъ*, подлежащихъ разработкѣ. Уже *Моммзенъ* (1817—1903) въ своихъ трудахъ по римской исторіи на первый планъ выдвинулъ тотъ матеріалъ, который даютъ историку *юридическія учрежденія* и разнаго рода остатки (прежде всего *надписи*); этому матеріалу онъ придавалъ гораздо большую цѣнность, чѣмъ повѣствовательнымъ источникамъ. И эта тенденція все больше и больше усиливается въ новѣйшей исторіографіи. Литературные источники отступаютъ на второй планъ; зато въ усиленной степени начинаютъ пользоваться всякаго рода надписями, актами, документами, счетными книгами и т. п. Большое значеніе получаетъ примѣненіе статистическаго метода.

Соотвѣтственно съ этимъ *мѣняется и стиль историковъ;* вмѣсто погони за художественностью историческаго разсказа, выдвигается впередъ стремленіе къ научной точности изложенія. Историческія изслѣдованія по своему стилю начинаютъ приближаться къ сочиненіямъ по точнымъ наукамъ. Сама по себѣ эта тенденція, конечно, только можетъ быть привѣтствуема; она означаетъ собою, что исторія, наконецъ, вполнѣ перестаетъ быть «по преимуществу ораторскимъ произведеніемъ», выражаясь словами Цицерона, превращается въ настоящую науку. Но и въ этомъ отношеніи дѣло не обхо-

[1]) См. объ этомъ направленіи *Лаппо-Данилевскій*, Методологія исторіи, I (1930), 68—177. Въ русской литературѣ такое сближеніе исторіи съ соціологіей (или этнологіей) защищаетъ проф. *Виппперъ*, Очерки теоріи историческаго познанія. (1911).

дится безъ крайностей; въ исторіи, именно какъ въ наукѣ объ индивидуальномъ, *эстетическіе пріемы*, съ должными ограниченіями, могутъ найти себѣ примѣненіе и отъ этого историческій трудъ можетъ только выиграть, (см. ниже § 12, III).

II. Раздѣленіе историческихъ наукъ. Исторія политическая и культурная. Исторія литературы.

1. Въ началѣ нашего курса исторія опредѣлена, какъ наука, изучающая минувшія событія и состоянія въ жизни людей, какъ соціальныхъ существъ. Это опредѣленіе показываетъ, что область вѣдѣнія исторической науки чрезвычайно велика. Характернымъ для исторіи является ея индивидуализирующій методъ. Примѣненіемъ этого метода исторія и отличается отъ другихъ общественныхъ наукъ, которыя ставятъ своей задачей полученіе обобщеній по вопросамъ общественной жизни, каковы общая соціологія, филологія, политическая экономія, теорія права и т. п. Но затѣмъ вѣдѣнію исторіи подлежитъ, только въ иномъ разрѣзѣ, весь тотъ матеріалъ, который изучается обобщающими науками объ обществѣ. Поэтому, исторія въ наше время представляетъ собой, въ сущности, не одну науку, но *цѣлый рядъ научныхъ дисциплинъ*, которыя всѣ можно объединить именемъ *историческихъ наукъ* [1]). Столь широкое установленіе круга вѣдѣнія исторіи произошло, впрочемъ, въ сравнительно недавнее время, такъ какъ и самая исторія, въ качествѣ самостоятельной генетической науки, есть дисциплина молодая, а потому *классификація отдѣльныхъ вѣтвей исторіи*, отдѣльныхъ историческихъ наукъ до сихъ поръ представляетъ собой почти сплошь предметъ споровъ и далеко еще не установлена сколько-нибудь прочно и удовлетворительно.

Долгое время предметомъ историческихъ изслѣдованій являлось почти исключительно *государство и его отношенія къ другимъ государствамъ*. Интересы историковъ концентрировались преимущественно около дипломатическихъ сношеній и военныхъ столкновеній государствъ. По мѣрѣ углубленія изслѣдованія вниманіе стало обращаться и на другія стороны государственной жизни. Постепенно выяснялось, что исторія государствъ не можетъ быть правильно понята, если историкъ не проникнетъ глубоко въ состояніе жизни внутри государства въ разныхъ направленіяхъ. Государственные финансы являются первостепеннымъ факторомъ при опредѣленіи военной мощи государства, а сами они зависятъ отъ состоянія экономической жизни, послѣдняя же въ значительной степени опредѣляется уровнемъ интеллектуальной и моральной культуры. Такимъ образомъ, въ интересахъ чисто политической исторіи приходилось привлекать къ разработкѣ и эти стороны общественной жизни. На встрѣчу этой тенденціи, намѣчавшейся въ политической исторіи, шли *спеціальныя потребности отдѣльныхъ общественныхъ наукъ*. Юристу, экономисту, филологу, спеціалисту въ области литературы

---

[1]) Ср. къ дальнѣйшему *Bernheim*, Lehrbuch d. hist. Methode, гл. 1, § 3. *Сеньобосъ*, Историческій методъ въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ (1902 г.). *Лаппо-Данилевскій*, Методологія исторіи, вып. I (1910), 69—91. *Wundt*, Logik, III, 357 сл.

или философіи необходимо было располагать историческими данными, касающимися ихъ спеціальностей. Начали появляться сборники такихъ данныхъ, изъ которыхъ понемногу стали развиваться такія науки, какъ исторія хозяйственнаго быта и экономическихъ ученій, исторія права, исторія языка, исторія письменности и литературы, исторія философіи, религіи, науки. Конечно, эти спеціальныя исторіи, долго находившіяся исключительно въ вѣдѣніи представителей соотвѣтственныхъ обобщающихъ наукъ, а не историковъ, отличались по своему характеру отъ трудовъ, принадлежащихъ общимъ историкамъ. Авторы ихъ имѣли въ виду обыкновенно не столько установленіе закономѣрной эволюціи въ предѣлахъ поставленныхъ рамокъ изслѣдованія, сколько составленіе справочниковъ, которые могли бы пригодиться при разрѣшеніи спеціальныхъ задачъ соотвѣтственной обобщающей научной дисциплины. Такъ, труды по исторіи права изобиловали подробностями, не представляющими большого интереса при изученіи общей эволюціи народной жизни, но зато часто не давали никакого представленія о внутренней причинной связи событій и ограничивались сухимъ хронологическимъ перечнемъ фактовъ. Тѣ пріемы критики источниковъ, которые были уже выработаны спеціалистами-историками, почти не давали себя чувствовать въ исторіи права и то, что давно уже было отвергнуто въ общей исторіи, какъ доказанный вымыселъ, продолжало преподноситься въ исторіи права, какъ вполнѣ достовѣрный фактъ. Такъ дѣло обстояло еще въ 80-хъ годахъ XIX столѣтія, когда, напримѣръ, авторы учебниковъ и монографій по исторіи римскаго права вполнѣ серьезно разсуждали о законодательствѣ римскихъ царей, не подозрѣвая, что историческая критика уже давно разоблачила полную недостовѣрность римской традиціи въ этомъ отношеніи [1]). Точно также и нѣкоторые представители исторіи русскаго права съ полнымъ довѣріемъ продолжали относиться къ лѣтописнымъ разсказамъ о призваніи варяговъ и т. п. При такомъ разобщеніи спеціальныхъ отраслей исторіи съ общей исторіей трудно было ожидать, чтобы въ спеціальныхъ исторіяхъ вскрывалась причинная связь событій: дѣло въ томъ, что эту связь обыкновенно нельзя прослѣдить исключительно на томъ ограниченномъ матеріалѣ, которымъ пользовался историкъ права, историкъ философіи или историкъ литературы. Для ея установленія необходимо было принимать во вниманіе всю эволюцію народной жизни; иначе даже крупныя перемѣны, напримѣръ, въ состояніи права легко могли представляться дѣломъ исключительно произвола того или иного законодателя, а переворотъ въ характерѣ философіи, литературы или искусства могъ казаться какой-то случайной катастрофой или же объясняться дѣйствіемъ какихъ-то мистическихъ силъ, вродѣ духа времени или діалектическаго развитія идей и т. д.

Навсегда дѣло не могло оставаться въ такомъ положеніи. По мѣрѣ развитія исторіи, какъ самостоятельной генетической науки, *общая исторія и исторія спеціальная начали сближаться*. Общимъ историкамъ все въ большей мѣрѣ приходилось привлекать къ своимъ изслѣдованіямъ матеріалъ спеціальныхъ исторій, а представителямъ спеціальной исторіи—проникаться духомъ и пріемами изслѣдованія общихъ историковъ. Дѣло дошло до того, что въ области общей исторіи стало намѣчаться *контрастное тече-*

---

[1]) См. объ этомъ *мою* статью въ «Философскомъ Сборникѣ Л. М. Лопатину» (1912 г.), стр. 62 сл.

ніе сравнительно съ прежнимъ положеніемъ этой науки. Если прежде главнымъ и почти исключительнымъ предметомъ изслѣдованія историка являлось государство, жизнь котораго прослѣживалась преимущественно со стороны важныхъ событій его внѣшней, а затѣмъ и внутренней эволюціи, то теперь, напротивъ, нѣкоторые представители исторической науки объявили почти исключительно заслуживающимъ научнаго изслѣдованія предметомъ такъ называемую *культурную исторію*. Предметомъ этой культурной исторіи являются не отдѣльныя кратковременныя событія въ политической жизни государствъ, но длительныя состоянія народной жизни, какъ состоянія народнаго хозяйства, нравовъ и права, интеллектуальной культуры, вѣрованій, литературы и т. п. Если прежняя политическая исторія преимущественно сосредоточивала свое вниманіе на отдѣльныхъ крупныхъ дѣятеляхъ исторіи, то новая культурная исторія главное вниманіе обращаетъ на жизнь народныхъ массъ, на установленіе историческихъ типовъ и среднихъ величинъ и широко пользуется статистическимъ методомъ. Иногда только эти предметы признаются достойными научнаго изученія, а вся такъ называемая политическая исторія объявляется чуть ли не сплошнымъ недоразумѣніемъ.

Конечно, такая точка зрѣнія неправильна. Только что приведенный взглядъ самъ является результатомъ недоразумѣнія, проистекающаго, какъ было указано въ концѣ предыдущаго параграфа, оттого, что многіе историки до сихъ поръ не уяснили себѣ, что исторія есть наука индивидуализирующая, а не обобщающая, что тѣ типы и среднія величины, которыя устанавливаются историкомъ при изученіи массовыхъ состояній, все-таки не представляютъ собой какихъ-либо общихъ законовъ, но являются только однимъ изъ средствъ разобраться въ той же подавляющей своимъ многообразіемъ дѣйствительности индивидуальныхъ фактовъ, что, наконецъ, отдѣльныя событія и дѣйствія нѣкоторыхъ выдающихся по своимъ свойствамъ или своему положенію въ обществѣ личностей имѣютъ для исторіи не меньшее значеніе, чѣмъ длительныя состоянія и массовые процессы. Съ другой стороны, представители подобныхъ взглядовъ не замѣчаютъ, что и въ такъ называемой культурной исторіи вовсе не приходится имѣть дѣло только съ массами и длительными состояніями; и въ исторіи права, и въ исторіи экономическихъ отношеній, а еще болѣе въ исторіи искусства, литературы, науки и философіи мы имѣемъ дѣло и съ великими людьми и съ дѣйствіемъ отдѣльныхъ событій. Однимъ словомъ, приходится признать, что историкъ, изучающій состояніе народнаго хозяйства въ Россіи пятидесятыхъ годовъ выполняетъ, въ сущности, ту же работу, которую совершаетъ историкъ, изслѣдующій событія крымской кампаніи или даже одной обороны Севастополя. Я полагаю, что *и политическая, и культурная исторіи являются совершенно равноправными вѣтвями исторической науки.* Они другъ друга пополняютъ и одинаково необходимы при изученіи минувшихъ судебъ жизни людей, какъ соціальныхъ существъ. Въ интересахъ методологіи слѣдуетъ позаботиться только о болѣе точномъ опредѣленіи задачъ и областей разныхъ вѣтвей историческаго знанія.

II. Мнѣ кажется, что исторически сложившееся дѣленіе исторіи на политическую и культурную можетъ быть удержано съ пользой для дѣла, если только условиться о точномъ смыслѣ этихъ понятій. Послѣдняя задача, конечно, не такъ проста, въ виду того, что *названіе «культурная исторія»*

чрезвычайно широко и въ сущности въ него можетъ быть уложено все содержаніе историческихъ наукъ, особенно, если согласиться съ Риккертомъ, что исторія работаетъ методомъ отнесенія къ цѣнностямъ и помнить при этомъ, что подъ цѣнностями именно и разумѣются всѣ культурныя завоеванія. Вѣдь подъ *культурой вообще* слѣдуетъ разумѣть понятіе, составляющее антитезу съ натурой; культуру въ широкомъ смыслѣ слова составляетъ все то, что создано дѣятельностью человѣка, въ отличіе отъ того, что явилось въ результатѣ дѣйствія законовъ природы безъ участія человѣческаго творчества. Но понятіе культуры допускаетъ и сужеиіе. Вѣдь противополагаются же другъ другу, напримѣръ, такія понятія, какъ культура съ одной стороны, *цивилизація*, съ другой. Въ этомъ случаѣ слово культура получаетъ значеніе лишь той дѣятельности человѣка, которая направлена на овладѣніе внѣшнимъ физическимъ міромъ, тогда какъ именемъ цивилизаціи покрывается все то, что сдѣлано человѣкомъ въ смыслѣ господства надъ своей собственной духовной природой и надъ общественными порядками. Въ выраженіи же *культурная исторія* понятіе культуры пріобрѣтаетъ еще новый смыслъ. Вотъ въ какомъ видѣ представляется мнѣ разграниченіе между исторіей политической и культурной.

Всякая исторія имѣетъ въ виду событія и состоянія изъ жизни людей, какъ соціальныхъ существъ. Всякая исторія имѣетъ дѣло, слѣдовательно, съ общественными процессами. Но исторія политическая и культурная берутъ ихъ въ различныхъ разрѣзахъ. Политическая исторія сосредоточиваетъ свое главное вниманіе на томъ видѣ общественныхъ союзовъ, который именуется *государствомъ*, т. е. отличается самостоятельной и принудительной организаціей сплачивающей его въ одно цѣлое верховной власти. Исторія государства и исторія взаимныхъ отношеній государствъ между собою и составляетъ тему политической исторіи. Такое выдѣленіе государственнаго союза въ предметъ спеціальнаго разсмотрѣнія имѣетъ свое оправданіе. Государство дѣйствительно занимаетъ центральное мѣсто въ общественной жизни человѣчества и около него группируется вся остальная общественная дѣятельность. Безъ государства у насъ не было бы прежде всего элементарной безопасности ни извнѣ, ни внутри общежитія; а затѣмъ современное государство развиваетъ самую обширную и разностороннюю дѣятельность во всѣхъ областяхъ благосостоянія какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго. Вотъ почему политическая исторія раньше всѣхъ другихъ отраслей общественной жизни приковала къ себѣ вниманіе людей и сдѣлалась предметомъ разработки; вотъ почему она и теперь играетъ *центральную роль* и получаетъ характеръ *общей исторіи*, къ которой главнымъ образомъ и пристраивается изслѣдованіе общей закономѣрности жизни народовъ.

Но государство всетаки не исчерпываетъ собой всей общественной жизни. Въ государствѣ и рядомъ съ нимъ существуетъ масса общественныхъ организацій, которыя находятся въ той или иной зависимости отъ государства, но все таки въ немъ не растворяются и часто ставятъ себѣ задачи, далеко выходящія за предѣлы отдѣльныхъ государствъ и соединяющія людей съ самыхъ различныхъ государствахъ. Вспомнимъ хотя бы вселенскія церкви или международныя организаціи ученыхъ, литераторовъ и т. п. Исторія должна взять на себя обслѣдованіе и той общественно-культурной дѣятельности людей, которая падаетъ въ эту область. Изученіе общественно-куль-

турной жизни людей помимо государственнаго союза и составляетъ область «культурной» исторіи, причемъ, конечно, выраженіе «помимо» слѣдуетъ понимать не въ абсолютномъ смыслѣ, а въ смыслѣ относительной самостоятельности дѣйствій. Мы вѣдь постоянно употребляемъ эту *антитезу: общества и государства*; вотъ изъ этой то антитезы вытекаетъ противоположность исторіи политической и культурной.

Такъ какъ политическая исторія по вышеуказаннымъ причинамъ и соображеніямъ взяла на себя роль общей исторіи, то культурная исторія по необходимости *дробится на отдѣльныя дисциплины*, смотря по родамъ изучаемой ею общественно-культурной дѣятельности. Такъ получаемъ мы исторію экономическаго быта, исторію нравовъ и права, исторію политическихъ ученій, исторію экономическихъ доктринъ, исторію философіи, исторію искусства, исторію литературы, исторію религіи, исторію церкви, исторію матеріальной культуры и техники, исторію игръ, исторію каррикатуры и т. п. Нѣтъ никакой возможности перечислить всѣ эти отдѣльныя области, тѣмъ болѣе, что дѣленія здѣсь окончательно не установились и возможно скрещиваніе самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ помнить, что все дѣленіе исторіи на политическую и культурную важно исключительно въ смыслѣ научнаго раздѣленія труда: область исторіи такъ расширилась, что вся не можетъ быть охвачена силами никакого лица. Поэтому политическая исторія никоимъ образомъ не должна терять своей связи съ культурной, а культурная—съ политической. Послѣднее особенно важно, такъ какъ представители отдѣльныхъ, спеціальныхъ вѣтвей исторіи культурной, будучи связаны по характеру своихъ темъ еще съ какой нибудь обобщающей наукой, часто бываютъ склонны, какъ это было указано выше, игнорировать пріемы изслѣдованія и выводы политической или общей исторіи. Отъ этого ихъ работы несомнѣнно чрезвычайно страдаютъ и ихъ научная цѣнность очень умаляется. Изъ этого, конечно, я не дѣлаю того вывода, что работа въ этихъ спеціальныхъ областяхъ исторіи должна также перейти въ руки общихъ историковъ. Напротивъ, я думаю, что участіе въ историческихъ изысканіяхъ юристовъ, экономистовъ, филологовъ, философовъ и т. п. можетъ быть только полезно для исторической науки. Всѣ эти лица должны только помнить, что, если они приступаютъ къ обработкѣ историческихъ темъ, то должны поучиться исторической методологіи и познакомиться съ выводами общей исторіи.

III. Я хочу остановиться болѣе подробно только на одной спеціальной области культурной исторіи въ виду того, что о ея характерѣ происходятъ довольно запутанные споры. Я имѣю въ виду *исторію литературы*. Въ области этой науки все является до сихъ поръ спорнымъ: не выясненъ окончательно ни матеріалъ, который здѣсь подлежитъ изслѣдованію, ни цѣли, которыя должно себѣ ставить это изслѣдованіе [1]). Какъ увидимъ, оба эти вопроса тѣсно между собою связаны.

---

[1]) См. обширную сводку разныхъ мнѣній въ книгѣ проф. *Перетца*. Изъ лекцій по методологіи исторіи русской литературы (1914 г.), 1—221. Ср. также *Лансонъ*. Методъ въ исторіи литературы (пер. Гершензона, 1911 г.). *Lacombe*, Introduction á l' histoire litèraire (1898). *Brunetiere*. L'évolution des genres dans l' histiore de la litérature. *Кареевъ*. Литературная эволюція на Западѣ. 1886.

Матеріаломъ, который подлежитъ изслѣдованію, является, очевидно, *литература*. Но что слѣдуетъ разумѣть въ данномъ случаѣ подъ литературой? Уже этотъ вопросъ вызываетъ серьезныя разногласія. Одни склонны понимать литературу въ смыслѣ *письменности вообще*; съ этой точки зрѣнія литературу составляютъ всѣ тѣ продукты человѣческаго творчества, которые облечены въ форму записаннаго слова. При такой концепціи подъ понятіе литературы подойдетъ не только поэзія и вообще т. наз. изящная литература, но и научныя, публицистическія, философскія, религіозныя произведенія и даже газетныя объявленія. Въ такомъ случаѣ область исторіи литературы безнадежно расширится и трудно будетъ провести уловимыя грани между этой наукой и такими, какъ исторія науки, исторія философіи, исторія политической мысли. Сверхъ того, въ исторію литературы тогда не войдетъ устная народная словесность, которая, однако, тѣсно соприкасается съ обычными предметами вѣдѣнія исторіи литературы.

Другіе понимаютъ предметъ исторіи литературы гораздо уже. Они считаютъ предметомъ изученія этой науки литературу, какъ особый видъ искусства, *какъ искусство слова*. Въ такомъ случаѣ подъ понятіе литературы подойдетъ только тотъ матеріалъ произведеній слова, который стоитъ въ связи съ эстетическимъ творчествомъ и эстетическимъ наслажденіемъ. Только такъ наз. *изящная литература* будетъ предметомъ разсмотрѣнія интересующей насъ отрасли исторіи, т. е. только тѣ произведенія слова, которыя создаются съ цѣлью произвести эстетическое впечатлѣніе.[1]) Эта цѣль можетъ не быть единственной цѣлью произведенія; оно можетъ служить при этомъ и для цѣлей поученія или даже рекламы, но эстетическій элементъ долженъ составлять его существенную часть. При этомъ подъ эстетическимъ впечатлѣніемъ слѣдуетъ понимать такое, которое доставляютъ намъ наслажденіе свободной игрой чувства, не связаннаго какими-нибудь практическими задачами и интересами. Незаинтересованность воспріятія, его изолированность отъ практической жизни составляетъ основной элементъ эстетическаго наслажденія. Въ подробности разсмотрѣнія вопроса о сущности эстетическаго, который также составляетъ предметъ самыхъ серьезныхъ споровъ въ наукѣ, въ данномъ мѣстѣ, конечно, углубляться нельзя. Я хочу намѣтить только самыя основныя точки зрѣнія, набросать эскизъ правильнаго съ моей точки зрѣнія рѣшенія вопроса о сущности исторіи литературы.

Этотъ спорный вопросъ о матеріалѣ и области историко-литературныхъ изслѣдованій, какъ мнѣ кажется, можетъ быть разрѣшенъ только въ тѣсной связи съ другимъ вопросомъ, а именно, съ вопросомъ о *цѣляхъ исторіи литературы*. Въ этомъ отношеніи воззрѣнія расходятся еще сильнѣе. Одни ставятъ исторіи литературы задачу познакомить насъ съ извѣстными содержаніями жизни, лежащими *внѣ эстетическихъ точекъ зрѣнія*. При этомъ и въ этихъ предѣлахъ намѣчаются новыя разногласія. Объ исторіи литературы иногда говорятъ вообще, какъ объ исторіи идей; другіе вмѣсто этого подставляютъ понятіе исторіи идеаловъ; третьи хотятъ видѣть въ исторіи литературы отображеніе духовной жизни вообще или общественной мысли, нѣкоторые, наконецъ, находятъ возможнымъ прямо отожествлять исторію лите-

---

[1]) Въ послѣдующемъ при выясненіи эстетическихъ понятій я слѣдую, главнымъ образомъ, выводамъ *Гельмана*. Эстетика (пер. Самсонова, 1913 г.).

ратуры съ исторіей общественной жизни, полагая, что послѣдняя сполна и адэкватно отражается въ эволюціи литературы. Другая группа ученыхъ концентрируетъ задачи исторіи литературы *вокругъ понятія эстетическаго творчества*. Но и здѣсь въ подробностяхъ и въ формулировкѣ задачъ взгляды расходятся. Одни склонны видѣть въ исторіи литературы изслѣдованіе эволюціи формъ искусства слова, другіе придаютъ больше значенія внѣ эстетическимъ вліяніямъ изящной литературы, которая, конечно, не только производитъ на людей въ той или иной степени эстетическое впечатлѣніе, но также возбуждаетъ ихъ мысль въ разныхъ направленіяхъ и заставляетъ работать чувство и волю. Эволюцію искусства слова можно прослѣживать какъ съ точки зрѣнія художественнаго творчества, такъ и съ точки зрѣнія художественнаго воспріятія; здѣсь интересъ представляютъ какъ пріемы творцовъ эстетическихъ произведеній, такъ и то впечатлѣніе, которое эти произведенія оказываетъ на публику, а также и состояніе вкусовъ этой публики и причины его измѣненія.

Мнѣ кажется, что единственно пріемлемымъ является то направленіе, которое въ основу кладетъ *эстетическій характеръ предмета изученія исторіи литературы*. Только становясь на эту точку зрѣнія, можемъ мы получить науку съ совершенно опредѣленнымъ матеріаломъ и отчетливыми задачами изслѣдованія. Въ частности, прежде всего надлежитъ отвергнуть тотъ взглядъ, который усматриваетъ въ исторіи литературы нѣчто совпадающее съ *исторіей общественной жизни*. Дѣло въ томъ, что литература вовсе не всегда ставитъ себѣ задачей передавать общественную жизнь, какъ она есть, и менѣе всего это свойственно именно литературѣ изящной, художественной. Произведенія изящной литературы далеко не всегда имѣютъ реалистическій характеръ, но часто, напротивъ, выбираютъ для себя совершенно фантастическіе сюжеты, при помощи которыхъ иногда даже легче достигнуть эстетическаго эффекта. И публика въ изящной литературѣ далеко не всегда ищетъ изображенія реальной жизни; напротивъ, часто въ произведеніяхъ литературы люди хотятъ найти отдохновеніе отъ утомившей ихъ дѣйствительности съ ея практическими заботами и интересами, не только временными и преходящими, но даже и вѣчными, каковы, напримѣръ, интересы моральные. Если даже изложеніе по внѣшнимъ пріемамъ кажется вполнѣ реалистичнымъ, то на самомъ дѣлѣ оно все таки можетъ изображать жизнь не такъ, какъ она есть, а такой, напримѣръ, какой мы желали бы ее видѣть, т. е. строить свои изображенія въ свѣтѣ извѣстныхъ идеаловъ или даже мечтаній. Можно брать поэтому произведенія изящной литературы въ этихъ случаяхъ, какъ одинъ изъ источниковъ, на основаніи которыхъ мы можемъ изучать исторію общества, такъ какъ въ этихъ произведеніяхъ отражаются вкусы авторовъ, а ихъ успѣхъ опредѣляется вкусами общества, но нельзя видѣть въ самой литературѣ исторію общественной жизни и обращать исторію литературы въ исторію этой жизни. Когда мы используемъ литературу въ качествѣ одного изъ источниковъ изученія общественныхъ вкусовъ, то мы не занимаемся уже исторіей литературы.

Равнымъ образомъ, едва ли правильно видѣть въ исторіи литературы *исторію идей или исторію идеаловъ*. Литература, особенно изящная, далеко не всегда имѣетъ задачей передавать намъ идеи; лирика, напримѣръ, скорѣе предназначена для возбужденія настроенія, для дѣйствія на жизнь

чувства, чѣмъ для передачи идей. Что же касается идеаловъ, то такъ называются тѣ идеи, которыя получили практическую силу, стали руководящими принципами поведенія. Исторія литературы, понимаемая въ смыслѣ исторіи идеаловъ, слилась бы съ исторіей философіи, политическихъ ученій, религіозныхъ убѣжденій; съ другой стороны, она не охватила бы тѣхъ художественныхъ произведеній, авторы которыхъ далеки были отъ мысли о какихъ нибудь идеалахъ и просто занимались изображеніемъ своихъ фантазій или окружающей дѣйствительности съ цѣлью произвести эстетическое впечатлѣніе.

Совершенно не годятся и такія опредѣленія исторіи литературы, которыя вкладываютъ въ эту дисциплину *элементъ моральный или политическій*. Высказывалось мнѣніе, что назначеніе литературы состоитъ въ служеніи нравственной идеѣ; въ такомъ случаѣ и исторія литературы превращается въ разновидность исторіи этическихъ ученій или исторіи нравовъ; публицистическій характеръ придаютъ и литературѣ и изучающей ея исторію наукѣ тѣ писатели, которые сводятъ главное содержаніе исторіи литературы къ изображенію борьбы прогрессивныхъ идей съ реакціонными силами и направленіями. Слишкомъ широко опредѣленіе, которое приравниваетъ исторію литературы къ *исторіи духовной жизни*, такъ какъ духовная жизнь человѣчества выражается не въ одной только изящной литературѣ, но и въ другихъ видахъ искусства, въ наукѣ, философіи, религіи, политикѣ и т. д.

Если же мы въ основу опредѣленія положимъ эстетическій моментъ, то мы получимъ такую формулу: *исторія литературы есть наука, которая задачей своей имѣетъ выясненіе эволюціи искусства, работающаго при помощи слова*. Признакъ искусства указываетъ на наличность эстетическаго момента, какъ необходимаго условія. Матеріаломъ для исторіи литературы служатъ только тѣ произведенія слова, съ которыми связана тенденція производить эстетическое впечатлѣніе, т. е. главнымъ образомъ такъ называемая изящная литература. Эстетическое же впечатлѣніе производятъ тѣ произведенія, которыя приковываютъ къ себѣ вниманіе читателя, независимо отъ своего содержанія, благодаря особенностямъ имъ *формы*: произведеніе искусства должно имѣть характеръ самодовлѣющаго цѣлаго, такъ что приковавшій къ нему свое вниманіе человѣкъ отрѣшается на время эстетическаго созерцанія отъ всѣхъ прочихъ интересовъ жизни, а самое произведеніе представляется ему законченнымъ цѣлымъ, изолированнымъ отъ всѣхъ остальныхъ содержаній жизни. Въ такой эстетической формѣ могутъ быть представлены всевозможные сюжеты; подходящимъ сюжетомъ для эстетической обработки можетъ быть не только красота, но и безобразіе, не только нравственное, но и безнравственное, и степень художественности зависитъ отъ того, насколько автору удалась цѣль *эстетической изоляціи*, достигаемая съ помощью различныхъ пріемовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что даже научное или философское произведеніе могутъ быть такъ написаны, что они захватываютъ читателя и заставляютъ его забыть на время обо всемъ. Тогда и въ этихъ произведеніяхъ есть эстетическій элементъ. Несомнѣнно, напримѣръ, что многіе люди увлекаются математикой въ виду того эстетическаго наслажденія, которое она имъ доставляетъ своей строгой законченностью, превращающей математическое построеніе въ нѣчто вродѣ самодовлѣющаго художественнаго произведенія. Но когда мы начинаемъ критически разбираться въ

самомъ ходѣ мыслей автора и въ содержаніи его выводовъ съ точки зрѣнія провѣрки, соотвѣтствуютъ ли они научной истинѣ, то эстетическое очарованіе исчезаетъ и на первый планъ выдвигаются внѣэстетическіе элементы произведенія. Но такая метаморфоза происходитъ и съ произведеніемъ изящной литературы, разъ мы къ нему подходимъ съ интересами и вопросами, лежащими внѣ сферы эстетики.

Если главными эстетическими категоріями считать музыкальную, дѣйствующую на насъ звуками, живописную, дѣйствующую образами, и поэтическую, дѣйствующую возбужденіямъ чувства симпатіи путемъ словеснаго описанія явленій, то наиболѣе подходящей къ литературѣ категоріей будетъ, конечно, *поэтическая*, такъ какъ литература есть искусство слова. Но можетъ быть въ литературѣ и музыкальный элементъ, такъ какъ она пользуется и звуками (устное слово). Сущность поэтическаго, какъ эстетической категоріи, состоитъ въ томъ, что художникъ слова такъ компонируетъ свои описанія, что они заставляютъ читателя *„сопереживать“* описываемыя содержанія и тѣмъ погружаютъ его въ созерцаніе безъ практическаго интереса, отрывающее его отъ остальной его жизни. Въ этомъ и состоитъ *образность* литературнаго произведенія, которой обыкновенно не хватаетъ въ отвлеченныхъ научныхъ и философскихъ разсужденіяхъ.

Изъ всего этого не слѣдуетъ, конечно, что произведеніе искусства слова цѣнно для насъ только съ своей эстетической стороны. Оно немыслимо безъ этой стороны, но затѣмъ можетъ производить и обыкновенно производитъ и *внѣэстетическія послѣдствія*. Когда проходитъ моментъ эстетическаго созерцанія, мы можемъ задуматься и надъ тѣмъ содержаніемъ, которое сдѣлалось предметомъ эстетической обработки. Поэтому искусство слова можетъ передавать намъ различныя свѣдѣнія (напримѣръ, историческія) и идеи, т. е. имѣть *иллюстрирующее* значеніе, или же приковывать нашу мысль и наше вниманіе къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ содержаніямъ практической жизни, т. е. имѣть *рекламное* содержаніе (какъ напримѣръ, басня, которая своимъ эстетически построеннымъ разсказомъ хочетъ обратить наше вниманіе на связанное съ нею нравоученіе). Нельзя отрицать и того, что цѣнность художественнаго произведенія для насъ тѣмъ выше, чѣмъ больше логическихъ и этическихъ цѣнностей связано съ нимъ, помимо производимаго имъ эстетическаго впечатлѣнія. Вотъ почему мы имѣемъ право возмущаться искусствомъ слова, если оно пренебрегаетъ содержаніемъ и нарушаетъ логическіе и этическіе критеріи во имя одной только эстетической формы. Поэтому и критика можетъ быть чисто эстетической, но можетъ быть и моральной, философской, политической и т. п. Всѣ эти виды критики вполнѣ правомѣрны, только критикъ всегда долженъ помнить, что ни одна изъ этихъ оцѣнокъ не является исчерпывающей и что, напримѣръ, безнравственное по своимъ тенденціямъ произведеніе можетъ быть высоко художественнымъ по формѣ.

Какъ *генетическая наука*, исторія литературы должна изучать свой матеріалъ, т. е. произведенія искусства слова, въ причинной связи, должна дать намъ представленіе объ *эволюціи* литературы, о связномъ процессѣ измѣненій, объединенныхъ причинной зависимостью однихъ фактовъ отъ другихъ.

Но эволюція литературы многогранна и можетъ быть изучаема въ разныхъ направленіяхъ. На первомъ планѣ, конечно, должно стоять изученіе

процесса развитія и смѣны самыхъ формъ литературныхъ произведеній, взятыхъ съ эстетической точки зрѣнія. При этомъ историкъ литературы сосредоточивается прежде всего на пріемахъ творчества художника, но не долженъ пренебрегать изученіемъ и той публики, къ которой обращается художникъ и которая читаетъ его произведенія. Что касается пріемовъ художниковъ, то они опредѣляются въ значительной степени индивидуальными дарованіями даннаго лица, которыя зависятъ отъ біологическихъ законовъ; но ни одинъ историческій дѣятель, какъ бы великъ и оригиналенъ онъ ни былъ, не стоитъ внѣ зависимости отъ окружающей его общественной среды; поэтому изученіе этой среды и ея вкусовъ должно быть принимаемо во вниманіе при характеристикѣ самаго художника, а не только читающей его произведенія публики.

Второй задачей исторіи литературы является *содержаніе изучаемыхъ произведеній*. Историкъ долженъ поставить вопросъ о томъ, какими причинами обусловливается выборъ опредѣленныхъ сюжетовъ и темъ, которыя воплощались въ формы художественныхъ произведеній. Въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ вопросъ *о внѣэстетическихъ вліяніяхъ литературы*, т. е. о томъ, какое значеніе художественная литература имѣла въ распространеніи идей и укрѣпленіи идеаловъ въ обществѣ. Художники берутъ идеи и идеалы изъ общественнаго сознанія, но и сами перерабатываютъ это содержаніе въ духѣ своей индивидуальности, а потому ихъ работа имѣетъ значеніе самостоятельнаго фактора въ эволюціи культурной и политической стороны общественной жизни. Изслѣдуя эти задачи, историкъ литературы уже покидаетъ тѣсныя рамки чисто эстетической исторіи и приближается къ общей исторіи страны. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ случаѣ исторія литературы далека отъ превращенія въ исторію культуры вообще, или въ исторію науки, политической мысли, такъ какъ вниманіе историка литературы продолжаетъ оставаться сосредоточеннымъ только на литературномъ факторѣ культурной и политической эволюціи. Иными словами, работая въ этомъ направленіи, исторія литературы изучаетъ эволюцію одного только *литературнаго фактора общественной жизни*.

Что касается *причинности*, дѣйствующей въ историко-литературной эволюціи, то здѣсь приходится имѣть дѣло со всѣми тѣми факторами, которыя намъ придется изучать въ дальнѣйшемъ, въ качествѣ факторовъ всего историческаго процесса. Мы встрѣчаемся здѣсь и *съ вліяніемъ географической среды* (напримѣръ, вопросъ о вліяніи ландшафта на характеръ художественныхъ произведеній, о вліяніи климата и т. п.), и съ вліяніемъ *біологическихъ и психологическихъ данныхъ* (вопросъ о вліяніи наслѣдственности на характеръ дарованій, значеніе принадлежности къ извѣстной расѣ), и съ вліяніемъ *соціологическихъ данныхъ* (вліяніе вкусовъ общества и его классовъ на творчество художника, значеніе подражанія, заимствованія, значеніе традиціи для формы и содержанія художественныхъ произведеній). Отличительная черта исторіи литературы, такъ же, какъ исторіи науки, философіи и всякаго вообще искусства, состоитъ въ томъ, что въ этой области особенно ярко выдвигается значеніе *творческой личности* въ исторіи, гораздо ярче, чѣмъ, напримѣръ, при изученіи экономической эволюціи; вся исторія литературы можетъ быть изучаема только, какъ процессъ закономѣрнаго взаимодѣйствія творческой личности и общества.

Конечно, исторію литературы въ строгомъ смыслѣ этого выраженія можно начинать *только съ тѣхъ эпохъ, когда изящная художественная литература уже достаточно обособилась отъ другихъ видовъ письменности.* Для болѣе же раннихъ эпохъ приходится принимать во вниманіе почти всю *письменность*, такъ какъ, напримѣръ, историческія произведенія еще не имѣютъ характера строгой науки, но преслѣдуютъ цѣли и интереснаго разсказа, т. е. чисто эстетическія, нравственные трактаты получаютъ видъ проповѣдей, разсчитанныхъ на чувство и составляемыхъ съ явнымъ уклономъ въ сторону эстетизма. Но подобное замѣчаніе приходится дѣлать и по поводу другихъ видовъ исторіи отдѣльныхъ сторонъ культуры. Такъ, историкъ права въ древнѣйшія эпохи также вынужденъ имѣть дѣло съ матеріаломъ, далеко еще не обособившимся отъ религіи и искусства. Сверхъ того, въ древнѣйшія эпохи приходится особенно принимать во вниманіе, кромѣ письменнаго творчества, еще и *устное*, въ гораздо большей степени, чѣмъ въ эпохи позднѣйшія. Наконецъ, роль личности въ древнѣйшія эпохи значительно слабѣе въ исторической эволюціи вообще и, въ частности, въ исторіи литературы, чѣмъ роль *массоваго творчества*, при которомъ отдѣльные представители народа являются одновременно изобрѣтателями и подражателями и путемъ непримѣтныхъ поправокъ къ какому-нибудь всѣхъ интересующему сюжету создаютъ произведенія народной поэзіи, не имѣющія опредѣленныхъ личныхъ авторовъ. И въ этомъ отношеніи аналогію представляетъ исторія права, гдѣ въ раннія эпохи предметомъ изученія является обычное право, а не законы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Эволюція исторической науки.

I. Недавнее появленіе исторіи, какъ самостоятельной науки. II. Античный періодъ. Записи о событіяхъ прошлаго. Эпическая поэзія. Логографы и Геродотъ. Ѳукидидъ. Полибій. Аристотель. Римскіе историки. Прагматическая исторія. III. Значеніе христіанства. Бл. Августинъ и общій характеръ средневѣковыхъ историческихъ сочиненій. Періодизація исторіи. IV. Эпоха возрожденія. Маккіавели. Дѣленіе исторіи на основные періоды (Целларіусъ). Раціонализмъ и школа естественнаго права. Боденъ. Бэконъ Веруламскій. Мабильонъ. Лейбницъ. V. Общій характеръ исторіи въ XVIII вѣкѣ. Вико. Вольтеръ. Монтескье. Тюрго. Руссо. Кондорсэ. Гердеръ. Кантъ. Хладеніусъ. Англійскіе историки, моралисты и экономисты XVIII вѣка. VI. Реакція противъ раціонализма въ началѣ XIX вѣка. Германская историческая школа юристовъ. Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ. Ранке. Нибуръ. Гегель. Сенъ Симонъ. Контъ. Милль. Бокль. Курно. Іерингъ. VII. Реалистическое направленіе второй половины XIX вѣка. Выясненіе основныхъ факторовъ исторической закономѣрности и односторонніе построенія исторіи. Событія и состоянія. Исторія и соціологія. Расширеніе круга источниковъ и измѣненіе стиля.

II. Раздѣленіе историческихъ наукъ. Исторія политическая и культурная. Исторія литературы.

I. Изученіе государства, какъ первоначальный предметъ исторіи. Историческіе запросы разныхъ общественныхъ наукъ. Культурная исторія. Сближеніе работъ общихъ историковъ со спеціальными изслѣдованіями. II. Разница между исторіей политической и культурной и содержаніе послѣдней. III. Исторія литературы и ея область. Эстетическое и внѣэстетическое значеніе литературы, какъ фактора общественной жизни. Литература и письменность.